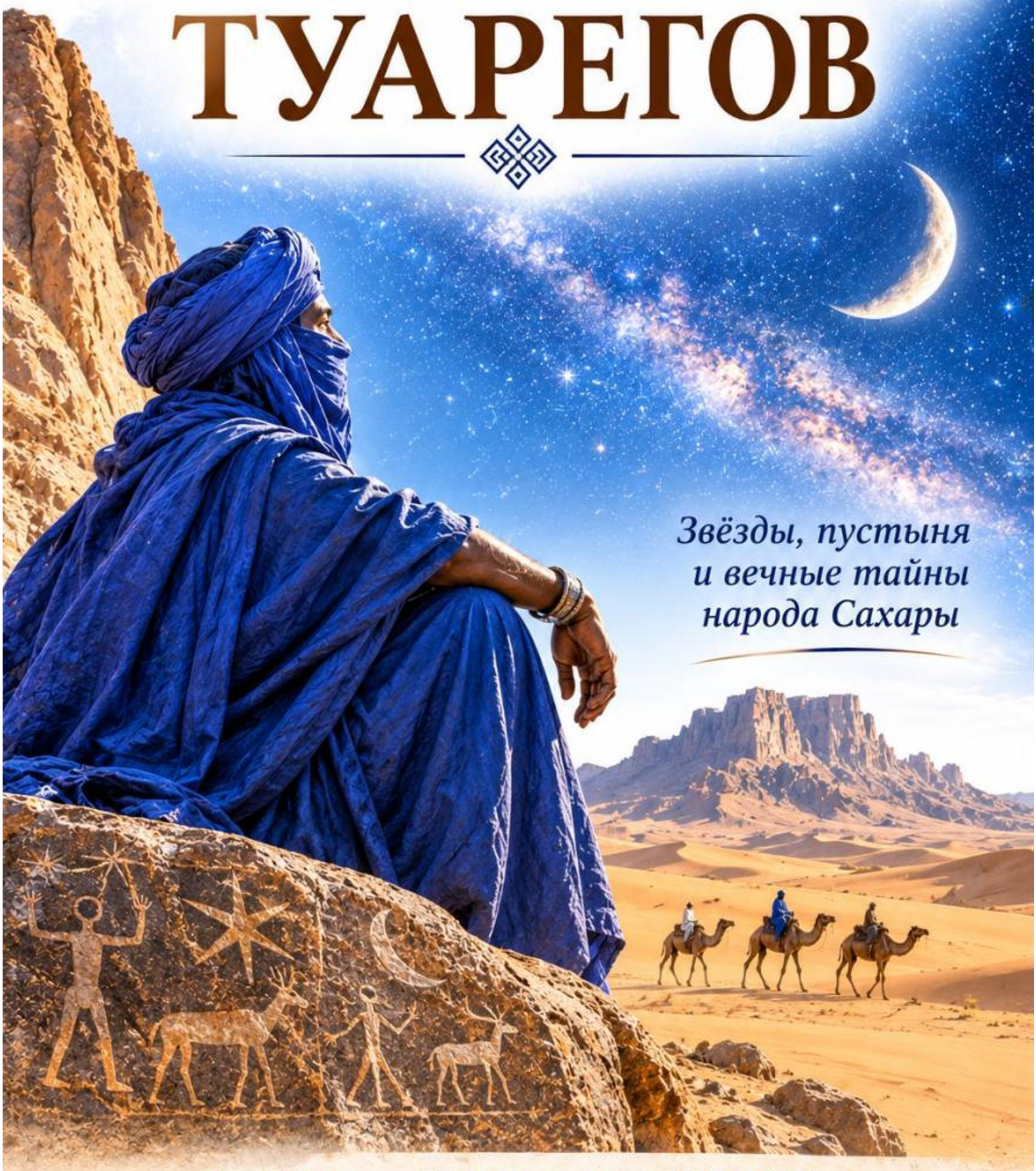
VUS HAAR

КОСМОЛОГИЯ ТУАРЕГОВ

Звёзды, пустыня и вечные тайны народа Сахары

ИСТОРИЯ • МИФЫ • АСТРОНОМИЯ

VUS HAAR

Космология туарегов

«Автор»
2026

HAAR V.

Космология туарегов / V. HAAR — «Автор», 2026

Книга «Космология туарегов» — первое столь полное исследование вселенной, какой её видели «свободные люди» Сахары. От древнейших следов расселения берберских племён по нагорьям Ахаггара, Аира и Тибести до наших дней, когда потомки караванщиков всё ещё сверяют дорогу по Плеядам, а тонкий серп молодого месяца служит сигналом нового отсчёта. Опираясь на устные предания, пословицы, песни и обряды, автор разворачивает целостную картину мира: как был сотворён человек, откуда появились звёзды. Здесь нашлось место и для объяснения фаз ночного светила, и для ритуала шума во время затмений, и для анализа того, как древние кочевники объясняли приливы, подземные реки и миражи. Рассказано о богах и духах, о матрилинейном счёте родства, о священных барабанах и агадесских крестах, чьи узоры повторяют рисунок звёздного неба. Это живое повествование, где каждая глава открывает новый угол зрения на один вопрос — как человек пустыни выстраивает отношения с космосом.

© HAAR V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Пространство и время: где начинается история туарегов 7
Глава 2. Самоназвание «имошаг»: кто такие «свободные» и почему это важно для космологии 9
Глава 3. Берберский корень: язык, который хранит забытые звёзды 11
Глава 4. География расселения: от Ахаггара до Аира — земля, поделённая на уделы 13
Глава 5. Сословия и космос: как социальный порядок отражался на небе 15
Глава 6. Имаджеган, имгад и иклан: три мира в одном народе 17
Глава 7. Тин Хинан: легенда о царице и её связь с небесными знаками 19
Глава 8. Священный барабан эттебель: ритм, который слышит пустыня 21
Глава 9. Матрилинейность и звёздный код: почему счёт родства ведётся по женской линии 23
Глава 10. Шатёр как модель Вселенной: четыре опоры небесного свода 25
Глава 11. Восток и запад шатра: сакральное и профанное в повседневном движении 27
Глава 12. Север и юг: царство духов и сторона изобилия 29
Глава 13. Магия имзад: звук, который успокаивает космос 31
Глава 14. Инеден: кузнецы, огонь и тайные силы подземного мира 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

VUS HAAR
Космология туарегов

Пролог

Песок не хранит следов. Ветер стирает их прежде, чем человек успевает обернуться. Но есть то, что ветер не трогает: звёзды над Ахаггаром, которые поднимаются из-за горизонта в том же порядке, что и тысячу лет назад, и тонкий серп Луны, который в определённый вечер вдруг повисает почти над самым колодцем, будто указывая на него пальцем. Для туарега, пересекающего Тенере, это не поэтическая метафора. Это рабочий инструмент, унаследованный от предков вместе с языком, с презрением к оседлости и с привычкой называть себя имошаг — свободными. Европейские путешественники, впервые проникшие в центр Сахары в XIX веке, записывали их предания с удивлением: люди, не имевшие ни письменности в привычном смысле, ни храмов, ни жрецов, носили в памяти стройную картину мироздания, где у каждого светила было имя, родство и назначение.

Эта книга — попытка восстановить эту картину во всей её полноте. Не как музейный экспонат, а как живую систему, в которой космология неотделима от повседневности. Здесь не будет снисходительного взгляда на «примитивные представления». Будет другое: медленное, внимательное погружение в мир, где шатёр повторяет структуру Вселенной, где звёзды пасутся, как козы, где затмение требует шума и выстрелов в воздух, а молодая Луна получает в подарок сухую травинку в обмен на обещание зелёной. Читателю предстоит увидеть, как народ, у которого не было ни телескопов, ни компасов, научился читать небо с точностью, достаточной для того, чтобы провести караван через тысячу километров безводной пустыни и вернуться назад.

Французский антрополог Элен Клодо-Авад, посвятившая годы изучению туарегской мысли, отметила одну её особенность, которая отличает эту традицию от большинства известных космологий: всё в ней находится в движении. Камни, люди, понятия, даже само «пустота» — не состояние, а этап пути. Туарегское слово, обозначающее космогонию, происходит от корня со значением «растекаться», «течь». Мир не собран однажды и навсегда; он происходит, длится, истекает и возвращается. Это не линейное время пророков и не циклическое время земледельцев, привязанное к урожаю. Это спираль, в которой каждый виток уносит вверх, к растворению в космических потоках — или к новому началу, что, в сущности, одно и то же.

Представленная вниманию читателя книга построена как серия приближений к этому движущемуся миру. Сначала — земля: кто такие туареги, откуда пришли, как устроены их сообщества, почему матрилинейность и сословное деление оказались вплетены в небесные иерархии. Затем — небо в его конкретности: имена звёзд, созвездия-животные, календарь, который начинается с серпа, и ритуалы, сопровождающие страх перед затмением. Далее — земля и вода в их космологическом измерении: подземные реки, солёность океана, приливы, которые чувствуются даже там, где моря нет. И наконец — предельные вопросы: сотворение, конец, рай, ад, циклы разрушения.

Ни одна глава не повторяет другую по структуре, и это не формальный приём. Туарегская мысль сама по себе не терпит жёстких рамок: одна и та же истина может быть высказана через генеалогию, через пословицу, через геометрию креста агадес или через запрет произносить определённые слова в определённую фазу Луны. Книга следует этой логике. Где-то читатель найдёт связное повествование, где-то — ряд наблюдений, где-то — почти протокольную запись обряда. Объединяет их одно: стремление не упростить, не сгладить углы, не превратить живую традицию в удобную схему.

Сахара — не пустое пространство между оазисами. Это густонаселённый мир, где каждый камень имеет историю, а каждая ночь предлагает карту, которую нужно уметь прочесть. Туареги читали её столетиями. Эта книга — приглашение прочесть её вместе с ними.

Глава 1. Пространство и время: где начинается история туарегов

Сахара не всегда была пустыней. Там, где теперь ветер гонит песок через плато Тассилин-Адджер, двенадцать тысяч лет назад стояли озёра, росли акации и бродили стада антилоп. Наскальные рисунки, оставленные людьми неолита, изображают купальщиков, плывущих среди рыб, и стада быков с лирообразными рогами. Потом климат переменился, озёра высохли, и люди ушли — одни на юг, к великим рекам, другие на север, к средиземноморскому побережью, третьи остались, приспособившись к новой земле. Именно эта третья ветвь, по наиболее распространённой гипотезе, дала начало тем, кого античные авторы называли гарамантами, а средневековые арабские географы — мулаттамимун, «людьми покрывала». Сами они называют себя имошаг — множественное число от амашак, «свободный», «благородный». Европейцы дали им имя, под которым они известны миру: туареги.

Спор о том, где именно начинается их история, ведётся не одно столетие. Лингвисты указывают на берберские корни языка тамашек, родственного языкам зенага, кабилов и рифов Марокко. Антропологи отмечают сходство социальной организации с другими берберскими обществами Магриба: матрилинейный счёт родства, сословное деление на благородных, вассалов и ремесленников, культ святых мест. Археологи добавляют к этому изображения колесниц, запряжённых лошадьми, — их оставили предки туарегов на плато Ахаггара за полторы тысячи лет до прихода верблюда. Колесницы эти мчатся по камню в ту же сторону, куда позже пойдут караваны: с севера на юг, через перевалы, к солончакам и оазисам.

Однако история народа — не только цепочка миграций и завоеваний. Это ещё и история пространства, которое народ считает своим. Для туарега граница — не линия на карте, а точка, где заканчивается вода и начинается чужая земля. Ахаггар, нагорье в самом сердце Сахары, — не просто географический объект. Это ось мира, вокруг которой вращаются все остальные земли. К северу лежит Тассилин-Адджер, страна древних рисунков и забытых языков. К югу — Аир, край пастбищ и колодцев, где верблюды находят тень в сухих руслах. К западу — Танезруфт, пустота, через которую не проходит ни один разумный караванщик без проводника. К востоку — Тибести, вулканическое нагорье, чьи чёрные камни помнят огонь, из которого, по одной из версий, был создан мир.

Эта четырёхчастная схема — не плод кабинетных размышлений. Она воспроизводится в каждом шатре: четыре опоры, четыре стороны, четыре направления ветра. Север в туарегской системе координат связан с прохладой и духами, юг — с изобилием и людьми. Восток — сторона восхода, начало пути, запад — сторона заката, завершение. Пространство неоднородно: есть места, где молитва слышна лучше, есть места, где лучше не задерживаться после захода солнца. Есть колодцы, вода в которых считается целебной, и колодцы, к которым не подходят без особого заговора. Карта мира у туарега — не топографическая, а сакральная: она отмечает не высоты и расстояния, а степени присутствия невидимых сил.

Время в этой системе тоже устроено иначе, чем в линейном календаре европейца. Год делится не на четыре сезона, а на большее число отрезков, каждый из которых связан с положением определённых звёзд и с поведением животных. Есть период, когда верблюдицы приносят потомство, и он совпадает с появлением на небе определённой группы светил. Есть период жары, когда днём не выходят из шатра, и он узнаётся по тому, что Плеяды поднимаются на рассвете. Есть период, когда дует харматан — сухой ветер из глубины континента, — и его приближение чувствуют за несколько дней по цвету неба и по тому, как ведут себя птицы. Время не просто течёт; оно имеет качество, плотность, вкус. Одни дни благоприятны для дальнего пути, другие — для забоя скота, третьи — для молчания.

Понятие «начала» в этой системе отсутствует в привычном смысле. Мир не был сотворён однажды и навсегда, как утверждают монотеистические традиции. Он длится, происходит, разворачивается. Туарегские предания о создании мира, записанные в разное время и в разных местах, сходятся в одном: вначале была вода, текучая и бесформенная, и лишь потом из неё возникли земля, небо и живые существа. Вода — не просто стихия; это первооснова, из которой всё вышло и в которую всё вернётся. Не случайно одно из самоназваний туарегов, по некоторым источникам, связано с корнем со значением «течь». Человек в этой космологии — не венец творения, а одно из звеньев в цепи превращений, наравне с камнем, растением и звездой.

Такая установка меняет сам характер исторического повествования. Европейская историография ищет даты, имена, события. Туарегская традиция ищет соответствия: что происходило на небе, когда предки перешли через перевал, какие звёзды стояли в зените в ночь, когда был вырыт первый колодец. История здесь неотделима от астрономии, а астрономия — от повседневного труда. Поэтому рассказ о народе начинается не с битвы и не с царя, а с ландшафта и неба над ним. Земля и небо — две половины одного целого, и понять одну без другой невозможно.

Ахаггар — не только нагорье, но и своего рода космологическая столица. Здесь находятся самые древние святилища, здесь же, по преданию, жила Тин Хинан, легендарная царица, которую одни считают исторической фигурой, другие — мифологическим персонажем, третьи — воплощением небесного светила. Её шатёр, согласно преданию, стоял на перекрёстке караванных путей, и каждый, кто проходил мимо, должен был оставить подношение. С её именем связывают установление матрилинейного порядка: власть и имущество передаются по женской линии, а мужчина, даже самый знатный, входит в род жены как гость, а не как хозяин. Эта особенность социального устройства, необычная для окружающих мусульманских обществ, имеет, по мнению ряда исследователей, глубокие доисламские корни и отражает древнее представление о том, что жизнь и плодородие принадлежат женщине, а война и защита — мужчине.

Сословное деление также вписано в космологическую схему. Благородные имошаг ведут происхождение от мифических предков, связанных со звёздами. Вассалы имрад — потомки покорённых племён, они платят дань и несут военную службу. Ремесленники инеден, кузнецы и ювелиры, занимают особое положение: их боятся и уважают, потому что они владеют тайной огня и металла. Наконец, иклан, земледельцы оазисов, стоят вне воинской иерархии, но именно они обеспечивают выживание всех остальных. Каждое сословие имеет свою небесную покровительницу или покровителя, свою систему запретов и свои обряды. Космос туарега — не единое пространство для всех, а ансамбль миров, наложенных друг на друга и сообщающихся через ритуал, песню и дорогу.

Всё это вместе — земля, небо, социальный порядок, календарь, предания — и составляет то, что можно назвать космологией. Не отвлечённой доктриной, а живой тканью повседневности, где каждое действие имеет небесное соответствие, а каждое небесное явление отзывается в жизни людей. Дальнейшее повествование будет шаг за шагом разворачивать эту ткань, не торопясь и не упрощая. Впереди — язык, хранящий имена звёзд; шатёр, повторяющий структуру мира; караванные пути, проложенные по Млечному Пути; ритуалы, которыми встречают затмение; и вопросы, на которые туарегская традиция отвечает так, как не ответила ни одна другая.

Глава 2. Самоназвание «имошаг»: кто такие «свободные» и почему это важно для космологии

Слово «туарег» в языке тамашек не существует. Его нет ни в песнях, ни в пословицах, ни в разговорах у костра. Так их называют снаружи — арабы, европейцы, соседние народы. Сами же они говорят о себе «имошаг», и в этом слове заключена целая философия, без понимания которой космология останется набором экзотических сведений. Имошаг — множественное число от «амашак», что чаще всего переводят как «свободный», «независимый», «благородный». Но корень слова глубже: он связан с представлением о том, что человек не принадлежит никому — ни царю, ни хозяину, ни даже богам в том смысле, в каком принадлежат рабы или слуги. Свобода здесь не политическая категория, а онтологическая: быть свободным значит быть в правильных отношениях с миром, занимать своё место в цепи существ, не нарушая её порядка.

Французский лингвист Шарль де Фуко, первым составивший словарь тамашека, отметил, что слово «амашак» употребляется и в значении «тот, кто говорит на нашем языке», и в значении «тот, кто ведёт правильный образ жизни». Это важно: язык и способ существования в мире для туарега неразделимы. Говорить на тамашеке значит уже быть внутри традиции, даже если человек не помнит всех её мифов. Язык хранит имена звёзд, названия ветров, формулы приветствий, которые произносятся при встрече с незнакомцем в пустыне. Каждое из этих слов — маленький ключ к космологии.

Самоназвание имеет и социальное измерение. Не всякий, кто говорит на тамашеке, — амашак. Существуют сословия, и принадлежность к ним передаётся по наследству. Благородные имошаг стоят на вершине; ниже — имрад, вассалы, которые платят дань и несут военную службу; ещё ниже — инеден, кузнецы и ремесленники, чьё положение двойственно: их уважают за мастерство, но избегают близкого общения, потому что они владеют тайными знаниями. Земледельцы иклан стоят вне этой иерархии, но без них пустыня не прокормила бы ни одного пастуха. И наконец, рабы, потомки пленников, — самая низкая ступень, но и они входят в систему, имеют свои права и свои запреты.

Эта социальная пирамида освящена космологически. По преданию, записанному в разных вариантах в Ахаггаре и Аире, первый амашак был создан из глины и крови особым образом: глина взята с четырёх сторон света, кровь — от жертвенного животного, а дыхание — от ветра, дующего с востока. От него произошли благородные. Вассалы же произошли от другого человека, созданного позже и из менее чистой глины. Кузнецы — от третьего, которому был дан огонь. Земледельцы — от четвёртого, которому были доверены семена. Таким образом, каждое сословие имеет своего мифического предка и своё место в творении, и нарушать этот порядок значит нарушать космический закон.

Свобода имошаг проявляется и в отношениях с пространством. Кочевник не привязан к земле; его дом — шатёр, который можно свернуть за час. Но эта подвижность не означает безразличия к территории. Напротив, у каждого племени есть свои пастбища, колодцы, тропы, и границы этих владений известны всем, хотя нигде не начерчены. Нарушение границы — не просто проступок, а вызов мировому порядку: тот, кто пасёт скот на чужой земле, рискует не только навлечь гнев людей, но и потревожить духов, обитающих в этих местах. Земля принадлежит не людям, а духам и предкам; люди лишь временные пользователи, обязанные соблюдать правила.

Такое понимание свободы имеет и обратную сторону: одиночество. Пустыня огромна, и человек в ней мал. Туарег знает это с детства. Он знает, что может полагаться только на себя, на верблюда, на звёзды и на несколько проверенных колодцев. Эта суровая школа формирует

характер, который европейские путешественники описывали по-разному: одни восхищались гордостью и независимостью, другие упрекали в высокомерии. Но и гордость, и высокомерие — лишь внешние проявления глубинного чувства: человек, который называет себя свободным, не может позволить себе быть слабым или зависимым. Он должен уметь читать небо, находить воду, лечить раны, принимать решения в одиночку.

Космология в этом контексте — не отвлечённое знание, а инструмент выживания. Имена звёзд нужны не для поэзии, а для навигации. Знание фаз Луны определяет, когда отправляться в путь и когда ждать. Понимание того, как движутся планеты, помогает предсказывать погоду и сезонные изменения. Мифы о сотворении мира объясняют, почему мир таков, какой он есть, и как в нём себя вести. Ритуалы, связанные с затмениями, не просто суеверие: они сплачивают людей перед лицом непонятного и напоминают о хрупкости порядка.

Свобода имошаг, таким образом, не отрицает порядка, а предполагает его. Быть свободным значит знать своё место в мире и не пытаться его изменить. Это консерватизм особого рода: не страх перед новым, а уважение к тому, что проверено временем и подтверждено звёздами. Европейские наблюдатели часто удивлялись, как туареги, не имея письменных законов, ухитряются поддерживать сложную систему прав и обязанностей. Ответ прост: закон записан на небе и в памяти людей. Каждый ребёнок с ранних лет слышит истории о том, как предки вели себя в тех или иных обстоятельствах, и эти истории становятся образцом для подражания. Обычай сильнее любого кодекса, потому что он впитан с молоком матери.

Слово «имошаг» имеет и ещё один оттенок, который часто ускользает от исследователей. В некоторых диалектах оно произносится с особым придыханием, которое придаёт ему значение «те, кто идёт впереди». Не в смысле превосходства над другими народами, а в смысле первопроходчества: те, кто первыми прокладывают путь через пустыню, первыми находят новый колодец, первыми замечают перемену в небе. Это не гордость завоевателя, а гордость исследователя, который знает, что за ним пойдут другие и что его долг — оставить после себя надёжную тропу.

Такое самоощущение накладывает отпечаток на всю культуру. Туарег не любит громких слов и показных жестов. Его достоинство — в сдержанности, в умении молчать, когда другие говорят, в способности вынести боль без жалоб. Европейцы, побывавшие в Сахаре, отмечали, что туареги редко смеются в присутствии чужаков, но среди своих они оживлённы и остроумны. Эта двойственность — не лицемерие, а защита внутреннего пространства, которое принадлежит только тебе и твоему роду.

В отношении к небу эта установка проявляется особенно отчётливо. Туарег не молится звёздам в том смысле, в каком молятся богам. Он разговаривает с ними, как с равными, — уважительно, но без раболепия. Он знает, что звезда, которую он видит ночью, светила его прадеду и будет светить его правнуку. Это знание не делает его меньше; оно делает его частью чего-то большего, чем он сам. И в этом, пожалуй, главный смысл слова «имошаг»: быть свободным значит сознавать свою причастность к бесконечному, не теряя при этом себя.

Дальнейшее повествование будет неоднократно возвращаться к этому понятию, каждый раз открывая в нём новый оттенок. Язык, шатёр, караванные пути, ритуалы, календарь — всё это формы, в которых свобода имошаг выражает себя. И всё это вместе составляет ту космологию, которая, по словам одного туарегского поэта, «написана не в книге, а в глазах того, кто умеет смотреть».

Глава 3. Берберский корень: язык, который хранит забытые звёзды

Тамашек — не просто средство общения. Это архив, в котором хранятся имена светил, названия ветров, формулы обрядов и следы давно исчезнувших верований. Лингвисты относят тамашек к берберской ветви афразийской семьи, но для самих носителей язык не нуждается в классификации: он существует столько, сколько существует народ, и в нём зашифрована история, которую не расскажет ни одна хроника. Когда туарег произносит название звезды, он не просто указывает на точку в небе. Он воспроизводит звук, который, по преданию, был услышан первым человеком в момент сотворения мира.

Берберские языки распространены на огромной территории — от оазиса Сива в Египте до Канарских островов, от средиземноморского побережья Марокко до южных границ Сахары. Но именно тамашек сохранил наиболее архаичные черты, которые в других берберских языках утрачены или вытеснены арабскими заимствованиями. Это не случайность. Изоляция в центре пустыни, кочевой образ жизни, недоверие к оседлым народам — всё это способствовало тому, что язык законсервировал формы, которым не менее трёх тысяч лет. Некоторые исследователи полагают, что тамашек ближе к языку гарамантов, чем любой другой живой язык Северной Африки.

Структура тамашека отражает структуру мира. В нём нет жёсткого порядка слов, зато есть развитая система глагольных форм, различающих не только время, но и направление движения, и способ действия. Глагол «идти» имеет формы для движения по горизонтали, по склону, через воду, через песок. Глагол «светить» различает свет Солнца, свет Луны и свет звёзд. Такая детализация не роскошь, а необходимость: в пустыне от точности описания зависит жизнь. Если проводник скажет «иди туда», это может означать всё что угодно. Но если он употребит форму, указывающую на движение через солончак в сторону понижения, ошибки не будет.

Имена звёзд в тамашеке — отдельный пласт лексики, который почти не поддаётся переводу на другие языки. Плеяды называются «катр ан» — «слёзы», или, в другом варианте, «маленькие глаза». Большая Медведица — «тахунт» — слово, которое одновременно означает «верблюдица» и «мать». Орион — «аман ар» — «вода течёт», что странно для пустыни, но приобретает смысл, если вспомнить, что мифы связывают это созвездие с подземными водами. Венера имеет два имени: утренняя и вечерняя, и в некоторых преданиях это два разных существа, брат и сестра, которые никогда не встречаются.

Названия созвездий часто связаны с животными. Есть созвездие Козы, созвездие Дикого осла, созвездие Страуса. Это не случайный набор: животные выбраны те, чьё поведение в пустыне имеет практическое значение. Коза указывает на приближение дождя, дикий осёл — на близость воды, страус — на смену сезона. Наблюдая за небом, туарег наблюдал за животными, и наоборот. Граница между зоологией и астрономией в этой системе отсутствует.

Особый интерес представляет лексика, связанная с Луной. В тамашеке существует не менее семи терминов для разных фаз ночного светила, и каждый термин несёт дополнительный смысл. «Талут» — молодая Луна, серп, который появляется после новолуния; это слово также означает «начало», «рост». «Тазарт» — полная Луна, время, когда, по преданию, духи наиболее активны. «Тамурт» — убывающая Луна, период, когда не рекомендуется начинать новые дела. Эти термины используются не только в астрономическом контексте, но и в быту: «талут» может означать ребёнка, который только начинает ходить, «тазарт» — женщину в расцвете сил.

Язык хранит и следы древних верований, которые в устной традиции уже не воспроизводятся. Например, слово «анесмар», которое сейчас означает «дух места», в более ранних текстах, записанных в XIX веке, употреблялось в значении «тот, кто держит небо». Лингвисты предполагают, что речь идёт о божестве, которое впоследствии было вытеснено исламом, но сохранилось в языке как обозначение невидимой силы, присутствующей в определённых местах. Аналогично слово «такамат» — «запрет», «табу» — восходит к корню, который в других берберских языках имеет значение «священный».

Фонетика тамашека также имеет космологическое измерение. Некоторые звуки считаются благоприятными, другие — опасными в определённых обстоятельствах. Например, свистящие звуки не рекомендуется произносить ночью, когда духи особенно внимательны. Гортанные звуки, напротив, считаются защитными: они отпугивают злых сущностей. Это не просто суеверие; это система звуковой магии, в которой фонетика переплетена с ритуалом. Ребёнка с ранних лет учат не только правильно говорить, но и правильно молчать — в определённых ситуациях молчание ценится выше слова.

Письменности у туарегов не было до недавнего времени, если не считать тифинаг — древнее ливийское письмо, которое в некоторых районах Сахары сохранилось в виде наскальных надписей. Тифинаг состоит из геометрических знаков, которые, по мнению исследователей, восходят к финикийскому алфавиту, но были приспособлены для записи берберских языков. Надписи тифинагом встречаются в Ахаггаре, на плато Тассилин-Адджер, в Феццане. Их немного, и они до сих пор не полностью расшифрованы. Однако само существование этой письменности говорит о том, что туареги не были полностью бесписьменным народом: у них был инструмент для фиксации имён и посвящений, который, возможно, использовался в ритуальных целях.

Устная традиция, таким образом, не означает отсутствия культуры передачи знаний. Она означает лишь, что знания передавались иначе — через песню, через пословицу, через обряд, через игру. Дети учились, слушая взрослых, повторяя за ними, задавая вопросы. Старики были живыми библиотеками, и их память ценилась выше любого пергамента. Европейские путешественники, записывавшие туарегские предания в XIX и XX веках, отмечали, что информанты часто могли воспроизвести длинные генеалогии, перечисляя десятки имён без запинки. Эта способность к запоминанию — не врождённая особенность, а результат тренировки, которая начинается в детстве.

Язык тамашек продолжает жить, несмотря на давление арабского и французского. В Алжире и Мали он имеет официальный статус, в Нигере преподаётся в школах. Но главное не в статусе, а в том, что он остаётся языком повседневности в тех районах, где туареги сохраняют традиционный образ жизни. Пока звучит тамашек, космология туарегов не мертва. Она может меняться, адаптироваться к новым условиям, но ядро остаётся: имена звёзд, названия фаз Луны, формулы приветствий, которые произносятся при встрече с незнакомцем в пустыне.

Язык — это не просто средство передачи информации. Это способ бытия в мире. Когда туарег говорит «Плеяды встали», он не просто констатирует астрономический факт. Он сообщает, что наступило определённое время года, что пора отправляться в путь, что верблюды готовы к переходу, что вода в колодцах достигла определённого уровня. Вся эта информация упакована в два слова, потому что язык приспособлен для жизни в условиях, где каждая секунда имеет значение.

Сохранение языка — не академическая задача, а вопрос выживания культуры. Если исчезнут имена звёзд, исчезнет и знание о том, как по ним ориентироваться. Если исчезнут названия фаз Луны, исчезнет и календарь, основанный на них. Если исчезнут формулы приветствий, исчезнет и чувство общности, которое они поддерживают. Космология живёт в языке, и умирает вместе с ним.

Глава 4. География расселения: от Ахаггара до Аира — земля, поделённая на уделы

На карте Сахары, если смотреть на неё из космоса, владения туарегов выглядят как архипелаг в океане песка. Ахаггар — сердце этого архипелага, гранитное нагорье, поднимающееся на три тысячи метров над уровнем моря, с вершиной Тахат, где снег выпадает раз в несколько десятилетий. К северу от Ахаггара лежит Тассилин-Адджер — плато, изрезанное каньонами, с наскальными рисунками, которым не менее восьми тысяч лет. К югу — Аир, горный массив в Нигере, чьи сухие русла наполняются водой лишь в сезон дождей. К востоку — Тибести, вулканическое нагорье в Чаде, с кратерами, заполненными солёной водой, и чёрными лавовыми полями, которые местные жители называют «землёй, которая горела». К западу — Танезруфт, каменистая пустота, через которую не проходит ни один караван без опытного проводника.

Эта география не просто фон. Она определяет ритм жизни, характер верований, даже темперамент людей. Ахаггар — страна суровая и величественная, с резкими перепадами температур, с ветрами, которые выдувают всё лишнее. Здесь живут самые гордые и независимые племена, которые до сих пор называют себя «людьми Ахаггара» с особым ударением на первом слове. Аир — страна более мягкая, с пастбищами и колодцами, здесь больше земледельцев и меньше воинов. Тибести — страна крайностей, где вулканы соседствуют с солончаками, а люди говорят на диалекте, который другие туареги понимают с трудом. Танезруфт — страна страха, которую пересекают только по необходимости и всегда с проводником, знающим тропы, невидимые для чужака.

Каждый из этих регионов имеет свою космологическую специализацию. В Ахаггаре сохранились самые древние предания о Тин Хинан, легендарной царице, которая, по одной версии, пришла с севера, по другой — спустилась с неба. В Аире больше распространены истории о кузнецах и их тайных знаниях, о том, как первый кузнец получил огонь от молнии. В Тибести рассказывают о вулканах как о местах, где земля была разорвана изнутри, и о том, что под лавой находится вход в подземный мир. В Танезруфте верят в духов, которые сбивают путников с дороги, и в миражи, которые могут оказаться как обманом, так и предзнаменованием.

Границы между этими регионами не совпадают с современными государственными границами. Туареги живут в Алжире, Мали, Нигере, Ливии, Буркина-Фасо. Но для них важнее не гражданство, а принадлежность к племени и к территории, которую это племя считает своей. Племя кель-ахаггар контролирует центральную часть нагорья, племя кель-аир — одноимённый массив, племя кель-адджер — плато на севере. Эти названия начинаются со слова «кель», что означает «люди», «народ». Кель-ахаггар — «люди Ахаггара». Кель-аир — «люди Аира». Идентичность здесь пространственная, а не этническая: человек определяется тем, на какой земле он живёт и чьи колодцы он имеет право использовать.

Внутри каждого племени существует деление на кланы, которые контролируют определённые колодцы, пастбища и караванные тропы. Эти кланы связаны системой брачных союзов, которая закрепляет права на землю и воду. Брак — не только личное дело, но и политический акт, который определяет, кто будет иметь доступ к ресурсам в следующем поколении. Поэтому выбор невесты или жениха — предмет долгих переговоров, в которых участвуют старейшины и учитываются интересы не только двух семей, но и всего клана.

Колодец в этой системе — не просто источник воды. Это узел, через который проходит вся жизнь. Вокруг колодца складываются отношения, заключаются союзы, разрешаются конфликты. Есть колодцы, которые считаются священными: к ним нельзя подходить с немытыми руками, нельзя ругаться в их присутствии, нельзя черпать воду без особого заговора. Есть колодцы, вода в которых считается целебной: её пьют при болезнях, ею обливают детей, чтобы

защитить их от сглаза. Есть колодцы, которые считаются проклятыми: если человек умрёт от жажды рядом с таким колодцем, его дух будет бродить вокруг, не находя покоя.

Караванные пути связывают эти узлы в единую сеть. Главный маршрут идёт с севера на юг: от средиземноморского побережья через Ахаггар к Тимбукту. Другой маршрут идёт с запада на восток: от атлантического побережья через Танезруфт к Тибести. Эти пути существуют не одну сотню лет, и каждый их отрезок имеет своё имя, свою историю, свои легенды. Есть участки, где караван должен двигаться только ночью, потому что днём песок раскаляется до такой степени, что обжигает даже подошвы сандалий. Есть участки, где нужно соблюдать полную тишину, чтобы не разбудить духов. Есть участки, где путники оставляют подношения — камешки, тряпочки, горсть соли, — чтобы обеспечить себе безопасный проход.

География туарегов — это не только физическая территория, но и территория воображения. Каждое место имеет свою историю, и эти истории накладываются друг на друга, создавая многослойный ландшафт. На одном и том же перевале могут находиться и следы древней стоянки, и развалины средневековой крепости, и место, где, по преданию, пророк произнёс проповедь, и точка, где современные пастухи останавливаются на ночлег. Все эти слои сосуществуют, не вытесняя друг друга. Прошлое не уходит; оно остаётся в земле, в камнях, в названиях, которые люди дают этим камням.

В этой географической системе нет центра в том смысле, в каком им является столица для государства. Ахаггар — сердце, но не столица. Каждое племя считает свой удел центром мира, и это не противоречие, а особенность мышления: мир многополярен, и каждый полюс равноценен. Европеец, привыкший к иерархии пространств, где есть столица и провинция, с трудом понимает эту логику. Туарег же не видит в ней ничего странного: земля принадлежит тем, кто на ней живёт, и каждый живёт в центре своей земли.

Современные границы, проведённые колониальными державами, разрезали эту территорию на части. Ахаггар оказался в Алжире, Аир — в Нигере, Тибести — в Чаде, Танезруфт — в Мали. Но в сознании туарегов эти границы не имеют силы. Они продолжают пересекать их так же, как их предки пересекали невидимые линии между уделами племён. Государственные чиновники требуют документов, таможенники досматривают грузы, но для кочевника всё это — временные помехи, которые можно обойти, если знать нужных людей и нужные тропы.

Эта устойчивость пространственных представлений объясняет многое в туарегской истории. Почему они так упорно сопротивлялись французской колонизации? Потому что французы покушались не просто на землю, а на сам порядок мира. Почему они до сих пор не интегрировались полностью в национальные государства? Потому что государство требует оседлости, а оседлость противоречит их представлению о свободе. Почему они сохраняют обычаи, которые кажутся архаичными? Потому что эти обычаи — часть той системы координат, без которой человек перестаёт быть имошагом.

География и космология в этой системе неразделимы. Горы, колодцы, перевалы, солончаки — всё это имеет небесные соответствия. Ахаггар связан с определёнными созвездиями, Аир — с другими, Тибести — с третьими. Каждый регион имеет свою звезду-покровительницу, которая восходит над ним в определённое время года. Когда звезда появляется на горизонте, это значит, что наступил сезон, когда можно отправляться в путь в этом направлении. Небо и земля отражаются друг в друге, и карта мира одновременно является картой неба.

Такая система позволяет ориентироваться в пространстве без компаса и карты. Достаточно знать, какая звезда в каком направлении восходит, и ты найдёшь дорогу. Но эта же система накладывает ограничения: нельзя идти туда, где звезда-покровительница ещё не взошла. Нельзя нарушать порядок, установленный небом. Свобода имошаг, о которой говорилось в предыдущей главе, имеет пространственное измерение: она заключается в праве перемещаться по своей земле, но не в праве отменять законы, которые этой землёй управляют.

Глава 5. Сословия и космос: как социальный порядок отражался на небе

Иерархия туарегского общества не просто санкционирована небом — она мыслится как его продолжение. Каждое сословие имеет своего небесного покровителя, свою звезду, свой участок Млечного Пути, свою роль в космическом порядке. Это не метафора и не поэтическое уподобление: в традиционном сознании социальный строй и звёздный узор — две проекции одной и той же реальности. Нарушить сословный порядок значит нарушить порядок небесный, и наоборот: небесные явления, которые европейский наблюдатель назвал бы астрономическими, туарег читает как знамения, касающиеся отношений между сословиями.

Благородные имошаг, чьё имя совпадает с самоназванием всего народа, считают себя потомками первого человека, созданного из чистой глины и дыхания восточного ветра. Их небесный покровитель — звезда, которую арабские астрономы называли «Сердцем Скорпиона», а туареги — «Тамашак», «Владыка». Эта звезда, по преданию, появилась на небе первой после сотворения мира и с тех пор служит ориентиром для всех остальных светил. Благородный не должен заниматься физическим трудом; его дело — война, защита, суд, поддержание порядка. Если благородный возьмётся пасти скот или чинить седло, он потеряет честь, и его дети не смогут наследовать его статус.

Вассалы имрад, потомки покорённых племён, имеют свою звезду — «Аман ар», которую европейцы называют Орионом. По преданию, эта звезда появилась позже «Владыки» и обязана ему подчинением. Вассал платит дань благородному, но получает защиту и право пользоваться пастбищами своего сюзерена. Отношения между ними регулируются обычаем, который запрещает произвол: благородный не может отобрать у вассала последний скот или прогнать его семью без решения совета старейшин. Небесный порядок, в котором «Аман ар» следует за «Владыкой», но не сливается с ним, служит моделью земных отношений: подчинение без унижения, покровительство без тирании.

Кузнецы инеден занимают особое положение. Их небесный покровитель — «Такат», звезда, которую астрономы называют Сириусом. Она самая яркая на ночном небе, и это не случайно: кузнец владеет огнём, а огонь — самая яркая и самая опасная из стихий. По преданию, первый кузнец получил своё ремесло от молнии, которая ударила в камень и расплавила руду. С тех пор кузнецы считаются хранителями тайного знания: они знают, как обращаться с металлом, как лечить болезни, как отводить порчу. Их боятся и уважают, к ним обращаются в трудных случаях, но близких отношений с ними избегают. Кузнец не может породниться с благородным, не может участвовать в совете старейшин, но и обидеть его никто не смеет: считалось, что обиженный кузнец может наложить проклятие, которое распространится на весь род.

Земледельцы иклан, живущие в оазисах, имеют свою звезду — «Тахунт», которую европейцы называют Полярной. Она неподвижна, и это соответствует их образу жизни: земледелец привязан к земле, к своему участку, к воде, которую он проводит по каналам. Иклан не участвуют в войнах, не платят дани, но и не имеют права носить оружие. Их дело — выращивать финики, просо, овощи, которые потом обмениваются на скот и соль. В космологической схеме они занимают место основания: без них не было бы ни благородных, ни вассалов, ни кузнецов, потому что все они нуждаются в пище. Но их положение в социальной иерархии остаётся низким, и это тоже объясняется небесным порядком: Полярная звезда неподвижна, но не самая яркая.

Рабы, потомки пленников, не имеют собственной звезды. Их небесный статус не определён, и это подчёркивает их положение вне системы: они не принадлежат ни к одному из сословий, их жизнь зависит от воли хозяина. Однако и у них есть свои запреты и свои обряды:

например, им запрещено смотреть на определённые созвездия в определённые ночи, чтобы не навлечь беду на весь род. Эта деталь показывает, что даже самая низкая ступень иерархии вписана в космологическую схему, хотя и через отрицание.

Сословное деление имеет и пространственное измерение. Благородные живут в шатрах из козьей шерсти, которые легко перевозить с места на место. Вассалы живут в шатрах из более грубой ткани, часто рядом с колодцами, которые они обязаны охранять. Кузнецы имеют постоянные мастерские, обычно в тени скал или в пещерах, где можно устроить горн. Земледельцы живут в глинобитных домах в оазисах. Рабы живут там, где велит хозяин. Эта пространственная иерархия отражает иерархию небесную: чем выше статус, тем больше подвижности, тем ближе к небу, к звёздам, к свободе.

Брачные правила закрепляют эту систему. Благородный может жениться на женщине из благородного рода, но не на вассалке или кузнечихе. Нарушение правила карается изгнанием или потерей статуса. Дети от смешанных браков занимают промежуточное положение, которое определяется обычаем, а не законом. Эти правила не просто поддерживают чистоту крови; они поддерживают космический порядок, в котором каждая звезда знает своё место и не пытается занять чужое.

Современность постепенно размывает эту систему. Городская жизнь, образование, наёмный труд, миграция в Европу — всё это создаёт новые формы социальных отношений, в которых сословная принадлежность уже не играет решающей роли. Молодой туарег, родившийся в семье кузнеца, может стать инженером или программистом и не наследовать ремесло отца. Девушка из благородной семьи может выйти замуж за вассала, если родители не будут против. Но даже в этих новых условиях старые представления не исчезают полностью: они сохраняются в языке, в обычаях, в шутках, в том, как люди делят пространство шатра или выбирают место для стоянки.

Космологическое обоснование сословного порядка — не уникальная особенность туарегов. Многие традиционные общества объясняли социальную иерархию волей богов или устройством космоса. Но у туарегов эта связь особенно наглядна: каждая ступень иерархии имеет не только мифического предка, но и конкретную звезду, которую можно увидеть на небе. Это делает социальный порядок зримым, осязаемым, проверяемым. В ясную ночь можно поднять голову и увидеть, что мир устроен так, как говорят старики. И это знание, передаваемое из поколения в поколение, поддерживает стабильность общества лучше любого писаного закона.

Однако у этой системы есть и обратная сторона. Она консервирует неравенство, ограничивает социальную мобильность, ставит преграды на пути тех, кто хотел бы изменить свою жизнь. Европейские наблюдатели XIX века часто идеализировали туарегское общество, видя в нём благородную простоту и свободу. Но свобода имошаг была свободой для благородных; вассалы, кузнецы, земледельцы и рабы имели гораздо меньше возможностей. Современные туареги, живущие в городах, всё чаще критикуют эту систему, хотя и признают её историческое значение.

В космологической перспективе сословный порядок — не вечная данность, а одна из фаз космического процесса. Туарегские предания о конце мира говорят, что в последние времена «звёзды поменяются местами» и «сын кузнеца станет вождём». Это пророчество о перевороте социального порядка, который будет сопровождаться переворотом небесным. Такое представление позволяет сохранять надежду даже тем, кто находится внизу иерархии: их положение временно, как временно всё в этом мире, который, по словам поэтов, «течёт, как вода, и не задерживается ни в одной форме».

Глава 6. Имаджеган, имгад и иклан: три мира в одном народе

Сословная триада, о которой пойдёт речь, не просто пережиток феодализма, случайно сохранившийся в пустыне. Это космологическая схема, воспроизведённая в социальной ткани с точностью, которая поражает антропологов до сих пор. Имаджеган — благородные воины, владеющие верблюдами и оружием. Имгад — «козопасы», зависящие, платящие дань и несущие службу. Иклан — потомки рабов, чёрные земледельцы, чей труд кормит всех остальных. Между этими тремя мирами проложены границы, которые нельзя перейти, не потеряв себя. И всё же эти миры связаны друг с другом тысячами нитей: долг, защита, обмен, ритуал, запрет.

Начнём с имаджеган. Это слово в разных диалектах звучит по-разному: имаджеган, имаджеген, имаджег. Но суть одна: те, кто не работает руками. Благородный не пасёт скот, не выращивает просо, не куёт железо. Его дело — война, набег, защита, суд. Его богатство — верблюды, особенно быстроходные мехари, которые ценятся дороже золота. Его символ — меч и литавры, священный барабан эттебель, который хранится в его роду и который нельзя выносить из шатра без особого случая. Благородный не платит дань никому, кроме, в некоторых случаях, верховного вождя — аменокала, чья власть тоже ограничена советом старейшин.

Имгад — те, кто платит. Их называют «людьми коз» (kel ulli), потому что коза — их животное, в отличие от верблюда, принадлежащего благородным. Каждый имгад привязан к определённому роду имаджеган договором, который называется темазлайт («temazlayt»). По этому договору имгад пасёт скот благородного, обрабатывает его землю, сопровождает его караваны — и получает взамен защиту. Если на имгада нападают, благородный обязан встать на его защиту. Если благородный отказывается это делать, имгад имеет право разорвать договор и уйти к другому покровителю. Эта деталь важна: отношения между сословиями не были отношениями полного бесправия. Обычай защищал слабую сторону, пусть и в ограниченных пределах.

Иклан — «чёрные», потомки пленников, захваченных в набегах или купленных на невольничьих рынках. Их положение было самым тяжёлым, но и здесь обычай устанавливал границы: хозяин не мог убить иклана без причины, не мог отобрать у него жену или детей, не мог заставить работать в праздничные дни. Иклан жили в оазисах, возделывали финиковые пальмы, просо, овощи. Их труд обеспечивал выживание всей системы: без земледельцев благородные умерли бы с голоду, потому что сами они не умели и не хотели обрабатывать землю. В некоторых районах, например в Ахаггаре, рабов было относительно немного, и их положение смягчалось близостью к семьям хозяев. В других районах, ближе к Сахелю, система была жёстче.

Но триада — не вся картина. Между этими мирами существовали промежуточные категории, которые делали систему гибкой и позволяли ей функционировать столетиями. Были инеден — кузнецы, ремесленники, ювелиры, чьё положение было двойственным: их уважали за мастерство и боялись их тайных знаний, но не допускали до брака с благородными. Были инислимен — «люди религии», марабуты, знатоки Корана и права, которые стояли несколько в стороне от сословной иерархии и пользовались всеобщим уважением. Были и группы смешанного происхождения, потомки браков между свободными и рабами, чей статус определялся обычаем, а не законом.

Эта система не была застывшей. Люди переходили из одной категории в другую: раб мог получить освобождение, имгад мог разбогатеть и купить верблюдов, благородный мог обеднеть и стать зависимым. Но сама структура воспроизводилась снова и снова, потому что она была не

просто социальной, а космологической. Каждое сословие имело своё место в мире, и это место освящалось преданием. Нарушить его значило навлечь беду не только на себя, но и на весь род.

Современность разрушила эту систему извне и изнутри. Колониальная администрация отменила рабство, но не смогла отменить обычай. Национальные государства после обретения независимости провозгласили равенство всех граждан, но на практике сословные различия сохраняются в брачных стратегиях, в языке, в том, кто с кем садится за стол. Молодые туареги, выросшие в городах, всё чаще не знают, к какому сословию принадлежат их деды, и не считают это важным. Но старики помнят. И в их памяти система продолжает жить — не как реальность, а как тень, которая ложится на отношения даже тогда, когда о ней не говорят вслух.

Есть в этой системе одна деталь, которая часто ускользает от исследователей. Три сословия соответствуют трём способам существования в мире: движение, труд, покой. Имаджеган движется — на верблюде, с караваном, в набег. Имгад трудится — пасёт, обрабатывает, сопровождает. Иклан пребывает — в оазисе, у воды, среди пальм. Это не просто описание занятий. Это три модуса времени: время приключения, время работы, время ожидания. И туарегская космология распределяет эти модусы между сословиями так же, как она распределяет между ними звёзды и участки неба.

Стоит ли видеть в этом оправдание неравенства? Безусловно, любой, кто хочет оправдать существующий порядок, найдёт в космологии аргументы. Но есть и другая сторона: эта же система признаёт, что все три модуса необходимы. Без движения нет торговли, без труда нет пищи, без покоя нет преемственности. В идеальной схеме три сословия дополняют друг друга, как три ноты одного аккорда. Реальность, конечно, далека от идеала. Но идеал существует, и он встроен в предания, в песни, в пословицы, которые передаются из поколения в поколение.

Одна пословица, записанная в Аире, говорит: «Благородный без имгада — как верблюд без седла: идёт, но не несёт». Другая, из Ахаггара: «Кузнец без огня — как ночь без звёзд». Эти пословицы не отменяют иерархии, но они напоминают о взаимозависимости. В мире, где каждый зависит от каждого, презрение к низшему — не просто грех, а глупость. Выживание в пустыне требует сотрудничества, и сословная система, при всех её жестокостях, была способом организовать это сотрудничество в условиях, где ошибка означала смерть.

Сегодня эта система разрушается, и на её месте возникает что-то новое, чему ещё нет названия. Молодые туареги работают в городах, служат в армиях, учатся в университетах. Они говорят на тамашеке и на французском, носят джинсы и тюрбан, молятся в мечети и слушают музыку имзад. Они не хотят возвращаться в пустыню, но и не хотят забывать, откуда пришли. Сословные различия для них — не закон, а история. Но история имеет свойство возвращаться, когда её перестают замечать.

Глава 7. Тин Хинан: легенда о царице и её связь с небесными знаками

Имя Тин Хинан не записано ни в одном документе, современном её жизни. Оно живёт в устной традиции, в песнях, в названиях мест, в родословных, которые передаются от старших к младшим с тщательностью, достойной лучшего применения. Европейские исследователи, впервые услышавшие это имя в XIX веке, отнеслись к нему скептически: слишком уж оно походило на легенду, слишком мало оставляло места для исторической критики. Однако раскопки, проведённые в Абалессе в 1930-х годах, заставили усомниться в этом скепсисе. Под каменной насыпью нашли женское погребение, датированное примерно IV веком, с украшениями, которые не оставляли сомнений в высоком статусе погребённой. Скелет принадлежал женщине высокого роста, с чертами, которые антропологи сочли не характерными для современных туарегов. Семь золотых браслетов на левой руке, семь серебряных на правой, кожаное платье, бусы — всё это говорило о том, что здесь лежит не просто знатная женщина, а правительница, чьё имя сохранилось в памяти народа на полторы тысячи лет.

Кто она была? Легенда говорит, что Тин Хинан пришла с севера, из Тафилалета, что в нынешнем Марокко, вместе со служанкой по имени Такамат. Они ехали на белой верблюдице, знали звёзды и умели находить дорогу по ним. Причина, по которой она покинула родные места, остаётся неясной: одни предания говорят о конфликте в семье, другие — о вторжении римлян, третьи — о поиске свободы. В Ахаггаре она основала поселение, установила порядок, стала правительницей. От неё, по преданию, происходят благородные роды кель-рела, кель-ахаггар и другие. Титул, который она носила, — таменокалт — означает верховную правительницу, стоящую над племенными вождями. Это слово до сих пор употребляется в туарегском языке, хотя женщин на такой должности больше не было.

Связь Тин Хинан с небом — не поэтическая метафора. В преданиях, записанных в разных вариантах, она неизменно выступает как знаток звёзд. Её путь через Сахару описывается не как бегство, а как целенаправленное движение по маршруту, который был известен её спутникам благодаря астрономическим ориентирам. Некоторые исследователи предполагают, что маршрут, которым она шла, совпадает с древними караванными тропами, отмеченными на наскальных рисунках Тассилин-Адджера. Если это так, то Тин Хинан была не только правительницей, но и хранительницей знания, которое в туарегской традиции ценится выше военной силы: умения читать небо и находить по нему дорогу в места, где нет ни колодцев, ни троп.

Её имя имеет несколько толкований. Самое распространённое — «та, что из шатров» или «та, что принадлежит лагерю». Другое значение — «та, что идёт впереди» или «та, что пришла издалека». Есть и третье, менее известное: «та, чья нога не ступает прямо». Легенда приписывает Тин Хинан хромоту, и это обстоятельство долгое время смущало исследователей, склонных видеть в героине идеальный образ. Однако хромота здесь не недостаток, а знак: в ряде берберских традиций хромой правитель или правительница наделяется особой связью с иным миром, с подземными силами, с тем, что скрыто от глаз обычных людей. Ибн Хальдун, писавший о берберах в XIV веке, упоминает женщину по имени Тиски, «хромую», которая считается предком нескольких берберских племён, включая тех, кто дал имя Ахаггару. Совпадение слишком разительное, чтобы быть случайным, хотя тождество Тин Хинан и Тиски остаётся предметом споров.

Матрилинейный принцип, который туареги сохранили до наших дней, связывается в преданиях именно с Тин Хинан. Она передала власть не сыну, а дочери, и с тех пор знатность определяется по материнской линии. Ребёнок, рождённый от благородной женщины и вассала, остаётся благородным; ребёнок, рождённый от благородного мужчины и женщины низкого

происхождения, благородным не считается. Эта система, необычная для окружающих мусульманских обществ, имеет глубокие корни и, по мнению ряда исследователей, отражает древнее представление о том, что жизнь, плодородие и сама суть человека передаются через женскую линию, тогда как мужская линия отвечает за защиту и войну. Тин Хинан в этой схеме — не просто основательница династии, а воплощение принципа: женщина как источник легитимности, как ось, вокруг которой вращается социальный порядок.

С небом её связывают и конкретные созвездия. В Ахаггаре существует предание, что после смерти Тин Хинан поднялась на небо и стала звездой в созвездии, которое европейцы называют Кассиопеей. Форма этого созвездия — W или M — напоминает, по мнению некоторых информантов, шатёр, а ярчайшая звезда в нём, Шедар, считается её троном. Другое предание связывает её с Плеядами: семь звёзд, которые то появляются, то исчезают за горизонтом, символизируют семь её советниц, которых она взяла с собой из родных мест. Когда Плеяды восходят перед рассветом, это значит, что наступило время, когда Тин Хинан «смотрит на свой народ» и что можно начинать важные дела.

Эти астрономические отождествления нельзя проверить научными методами, но они важны для понимания того, как работает туарегская космология. Историческая личность и небесное тело не разделены непроходимой границей. Человек, совершивший великий поступок при жизни, после смерти становится звездой, и его история продолжается на небе. Тин Хинан не просто «связана» с созвездиями; она в них живёт, и её присутствие можно увидеть каждую ясную ночь. Это не метафора бессмертия, а буквальное описание того, как устроен мир: земное и небесное суть две стороны одного целого, и переход из одного в другое — не конец, а изменение формы.

Гробница Тин Хинан в Абалессе — место паломничества и запретное место одновременно. Туареги приходят к ней, чтобы попросить о помощи в трудных делах, но не остаются на ночь: считается, что дух правительницы не любит, когда нарушают его покой. Раскопки 1930-х годов, в ходе которых гробница была вскрыта, вызвали неоднозначную реакцию среди местного населения. Одни считали, что наука имеет право на знание, другие — что тревожить мёртвых нельзя, особенно тех, кто стал звездой. Останки были извлечены, изучены и возвращены на место, но осадок остался. С тех пор гробница охраняется, и доступ к ней ограничен.

Современные туареги относятся к Тин Хинан по-разному. Для одних это символ национальной гордости, доказательство того, что их общество было матрилинейным задолго до ислама и что женщины играли в нём роль, которой могли бы позавидовать многие народы. Для других — это легенда, не имеющая отношения к повседневной жизни, в которой женщины всё чаще носят хиджаб и подчиняются нормам, заимствованным у арабских соседей. Для третьих — это политический аргумент: если у нас была великая правительница, значит, мы имеем право на своё место в истории, на признание, на автономию. Тин Хинан оказалась втянута в споры, которых она не могла предвидеть, и её образ меняется в зависимости от того, кто о ней говорит.

Но в одном все версии сходятся: она пришла с севера, она знала звёзды, она основала порядок, который пережил её на полторы тысячи лет. И когда ночью над Ахаггаром поднимается Кассиопея, старики говорят детям: «Смотри, вот Тин Хинан. Она смотрит на нас». Это не просто слова. Это способ связать прошлое с настоящим, землю с небом, человека с космосом. И пока эта связь сохраняется, легенда остаётся живой — не как музейный экспонат, а как действующий элемент культуры, который продолжает формировать то, как люди видят себя и свой мир.

Глава 8. Священный барабан эттебель: ритм, который слышит пустыня

Барабан в туарегском обществе — не музыкальный инструмент. Это предмет, обладающий собственной волей, собственной историей и собственной властью. Европейские путешественники, впервые увидевшие эттебель в шатре вождя, описывали его как нечто среднее между реликвией и живым существом: его нельзя было трогать без разрешения, его нельзя было ставить на землю, его нельзя было показывать женщинам. Французский этнограф Шарль де Фуко, составивший первый словарь тамашека, зафиксировал слово «эттебель» в значении «барабан войны» и «барабан власти» одновременно. Это двойное значение не случайно: в туарегской традиции война и власть неразделимы, и барабан, который созывает воинов, является тем же предметом, который делает человека вождём.

Устройство эттебеля описано в нескольких источниках, и все они сходятся в деталях, которые могут показаться странными для непосвящённого. Корпус выдалбливается из дерева акации или другого твёрдого сорта, обтягивается кожей белой коровы. На стенках начертаны суры Корана, написанные от руки. Внутрь помещаются амулеты — тексты на бумаге, зашитые в кожаные футляры, — и мелкие золотые самородки, которые перекатываются при каждом ударе, издавая дополнительный звук. Этот звук имеет ритуальное значение: он напоминает о присутствии невидимых сил, которые откликаются на зов барабана. Барабан никогда не касается земли: кожаные петли позволяют подвешивать его к развилкам шестов в шатре вождя. Причина запрета объясняется по-разному: одни говорят, что земля осквернит священный предмет, другие — что барабан, коснувшийся земли, потеряет силу и его удары больше не будут слышны в мире духов.

Власть эттебеля не метафорична. Человек, владеющий барабаном, владеет правом созывать людей, объявлять войну, заключать мир, судить и миловать. Титул аменокала — верховного вождя конфедерации — неотделим от обладания эттебелем. В европейских источниках аменокала иногда переводят как «император» или «король», но это неточно: его власть ограничена советом старейшин, которые могут сместить его, если он перестанет соответствовать своему положению. Эттебель не делает человека абсолютным правителем; он делает его точкой, в которой сходятся линии власти, распределённой между благородными родами. Без барабана эта точка пуста.

Происхождение первого эттебеля объясняется в преданиях, записанных в разных вариантах в Ахаггаре и Аире. Одна версия возводит его к Тин Хинан, которая, по преданию, принесла барабан с собой с севера. Другая связывает его с мифическим предком по имени Сабенас, чей барабан был сделан из железа — материала, который в туарегской культуре ассоциируется с кузнецами и их тайными знаниями. Третья версия, менее распространённая, но не менее интересная, утверждает, что первый барабан был вырезан из ствола дерева, в которое ударила молния. Во всех версиях присутствует один общий мотив: барабан не был создан людьми. Он был получен, найден, унаследован от существ иного порядка — от женщины-предка, от мифического героя, от небесного огня.

Ритуал, связанный с эттебелем, воспроизводит эту логику получения. Когда старый аменокал умирает, его барабан не передаётся автоматически старшему сыну. Сначала собирается совет, который выбирает нового вождя из числа кандидатов, принадлежащих к благородному роду. Выбор не всегда падает на прямого наследника: учитываются качества характера, репутация, поддержка разных кланов. После избрания происходит церемония, в ходе которой новый аменокал получает барабан из рук того, кто его хранил. В некоторых группах этот акт сопровождается обёртыванием головы нового вождя тканью — символом того, что он принимает на

себя бремя власти и ответственности. С этого момента барабан принадлежит ему, и его удары означают, что у народа снова есть центр, вокруг которого можно собраться.

Эттебель используется не только для созыва воинов. В мирное время его удары отмечают начало важных собраний, праздников, обрядов. Существуют особые ритмы для разных случаев: один ритм означает, что приближается враг, другой — что начинается праздник, третий — что умер важный человек. Эти ритмы передаются из поколения в поколение и известны каждому взрослому туарегу. Человек, не понимающий языка барабана, не может считаться полноправным членом общества. Это не преувеличение: в условиях, где расстояние между стоянками измеряется днями пути, звук барабана был единственным способом передать сообщение на большое расстояние. Барабан слышен за несколько километров, и его ритм можно повторить на другом барабане, передавая весть дальше.

Запреты, окружающие эттебель, образуют отдельную систему. Барабан не должен касаться земли — это уже упоминалось. Его не должны видеть женщины: по преданию, женщина, увидевшая эттебель без разрешения, может ослепнуть или потерять способность рожать. Барабан нельзя переносить без особого ритуала: тот, кто несёт его, должен соблюдать пост и избегать определённой пищи. Если барабан повреждён, его ремонтируют в строгой тайне, и человек, выполняющий работу, отворачивается от него, чтобы не встретиться с его «взглядом». Эти запреты могут показаться суеверием, но они выполняют важную функцию: они отделяют эттебель от повседневности, делают его предметом, стоящим вне обычного порядка вещей. Именно эта отделённость и создаёт его власть.

Судьба эттебеля в XX веке отражает судьбу самого народа. Когда французские войска подчинили Ахаггар в начале столетия, некоторые вожди предпочли уничтожить свои барабаны, чем передать их врагу. В 1918 году, после поражения восстания Каусена, один из вождей объявил, что его группа отказывается от эттебеля: «Мы предпочитаем остаться без вождей, чем запятнать то, что мы построили». Барабан был сожжён. Этот жест имел космологическое значение: отказ от барабана означал отказ от той формы власти, которая была освящена традицией, и принятие нового порядка, в котором место человека определяется не ритуалом, а государством.

Сегодня эттебели сохраняются в некоторых семьях как реликвии. Они висят в шатрах, их показывают гостям, о них рассказывают истории. Но их реальная власть ушла. Молодые туареги, выросшие в городах, знают о барабане из книг и рассказов старших, но не слышали его ударов, созывающих людей на войну или на праздник. Эттебель стал символом — красивым, значимым, но уже не действующим. И всё же в его молчании есть что-то, что продолжает говорить: напоминание о том, что власть может быть не только силой, но и звуком, ритмом, связью между теми, кто жив, и теми, кто ушёл. Барабан не касается земли. Он висит в воздухе, между небом и землёй, и в этом положении — точный образ туарегской космологии: мир держится не на силе, а на равновесии, не на обладании, а на умении удерживать.

Глава 9. Матрилинейность и звёздный код: почему счёт родства ведётся по женской линии

Вопрос о том, почему у туарегов родство считается по матери, а не по отцу, занимал европейских исследователей с первых десятилетий контакта. Французские офицеры, составлявшие первые этнографические описания Ахаггара, были людьми, выросшими в обществе, где наследование имени, титула и имущества шло по мужской линии, и столкновение с иным порядком вызывало у них недоумение, граничащее с недоверием. Один из них, капитан Шарль де Фуко, будущий исследователь Таманрассета и автор словаря тамашека, записал в дневнике, что «у туарегов женщина не подчиняется мужчине, а мужчина не господствует над женщиной; они идут рядом, и это удивляет больше, чем все чудеса пустыни». Спустя столетие антропологи подтвердили наблюдение, но объяснить его до конца не смогли. Матрилинейность туарегов остаётся одной из тех загадок, которые не поддаются простым решениям.

Начнём с фактов. В туарегском обществе ребёнок принадлежит к роду матери, а не отца. Если женщина благородного происхождения выходит замуж за мужчину низкого статуса, её дети остаются благородными. Если мужчина благородного происхождения женится на женщине низкого статуса, его дети теряют благородство. Наследование имущества, особенно скота и прав на колодцы, идёт по женской линии: дочь получает долю от матери, а не от отца. Титул вождя, как уже говорилось, не передаётся автоматически от отца к сыну, но принадлежность к правящему роду определяется по материнской линии. Даже шатёр, который в туарегской культуре считается домом, принадлежит женщине, а не мужчине. Мужчина, вступая в брак, переходит жить в шатёр жены или строит новый, но земля, на которой стоит шатёр, и права на воду, к которой он привязан, остаются за женщиной.

Эти факты хорошо известны. Гораздо сложнее понять, откуда взялась такая система и почему она сохранилась именно у туарегов, тогда как большинство соседних народов — арабы, фульбе, хауса, канури — патрилинейны. Одно объяснение, популярное в колониальной литературе, состояло в том, что туареги — потомки древнего матриархального населения Сахары, которое было завоёвано патриархальными пришельцами с севера, но сохранило пережитки «первобытного» строя. Эта теория, восходящая к эволюционизму XIX века, сегодня считается устаревшей: она предполагает линейное развитие общества от матриархата к патриархату, что не подтверждается этнографическими данными. Другое объяснение связывает матрилинейность с исламом: якобы туареги приняли ислам позже других и сохранили доисламские обычаи. Но это тоже не объясняет, почему именно матрилинейность оказалась столь устойчивой.

Более убедительная гипотеза связывает матрилинейность с экономикой пустыни. В условиях, где мужчины проводят месяцы в караванах или в набегах, женщины остаются дома и управляют хозяйством. Шатёр, скот, колодцы — всё это находится в их ведении. Мужчина, вернувшись из похода, входит в дом, который принадлежит не ему, а его жене или матери. Его богатство — верблюды и оружие — движимо, его социальный статус — производное от статуса женщины, в чьём шатре он живёт. Такая система даёт женщине экономическую независимость, которой не имеют её сестры в патрилинейных обществах. Она может развестись с мужем, вернуться в свой род, забрать детей — и обычай будет на её стороне. Мужчина, напротив, не может забрать детей: они принадлежат роду матери.

Французский антрополог Пьер Бонте, изучавший туарегов в 1950-х годах, описал случай, который стал классическим. Благородный воин, вернувшись из долгого похода, обнаружил, что его жена взяла в дом другого мужчину. Он не мог ничего сделать: шатёр принадлежал ей, дети принадлежали её роду, а его права ограничивались правом забрать своих верблюдов и уйти. Он ушёл. Бонте отметил, что этот случай не был исключением: женщины у туарегов пользо-

вались свободой, которая шокировала консервативных наблюдателей, но которая была встроена в систему обычая. Мужчина мог иметь несколько жён, но каждая жена имела свой шатёр и своё хозяйство, и его власть над ними была ограничена. Женщина могла иметь нескольких мужей или любовников, и это не считалось преступлением, если не нарушало договорённостей между родами.

Эта свобода имеет космологическое обоснование. В туарегских преданиях женщина — не просто человек, а носительница жизненной силы, которая связывает род с предками и с землёй. Мужчина — воин, защитник, добытчик, но он приходит и уходит; женщина остаётся. Именно она хранит память о предках, именно она передаёт детям имена звёзд и формулы обрядов, именно она поддерживает огонь в очаге, который, по преданию, был зажжён от первого огня, полученного от молнии. В некоторых преданиях говорится, что первый человек был женщиной, а мужчина был создан позже как её спутник и защитник. Эта версия не является доминирующей, но она существует, и её наличие показывает, что матрилинейность не была случайностью, а входила в базовые представления о мире.

С небом матрилинейность связана через Луну. Луна в туарегской космологии — женское начало: она меняет форму, но не исчезает, она светит отражённым светом, но не теряет своей сути, она управляет приливами и циклами, но сама остаётся неизменной в своей сущности. Женщина, как и Луна, проходит через фазы — девочка, девушка, мать, старуха, — но род, который она представляет, продолжается. Солнце — мужское начало: оно постоянно, оно палит, оно требует жертв, но оно не меняется. Взаимодействие Луны и Солнца — это взаимодействие женского и мужского начал, которые не сливаются, но дополняют друг друга. Затмение, когда Луна закрывает Солнце, воспринимается как момент, когда женское начало берёт верх, и это событие вызывает тревогу, потому что нарушает привычный порядок.

Матрилинейность проявляется и в языке. В тамашеке существуют термины, которые различают родство по матери и по отцу. «Мама» — мать, «аба» — отец, но «иллис н мама» — дочь матери, и «иллис н аба» — дочь отца. Эти термины не просто описательные; они определяют права и обязанности. Дочь матери наследует её статус, её имущество, её место в шатре. Дочь отца наследует его имя, но не его положение. В некоторых диалектах существует слово «тамедут», которое означает «родство по женской линии» и которое не имеет точного перевода на европейские языки: оно обозначает не просто биологическую связь, а духовное родство, передающееся через женщин.

Современность меняет эту систему. Государственные законы, основанные на шариате или на французском гражданском кодексе, предполагают патрилинейное наследование. Молодые туареги, живущие в городах, всё чаще регистрируют браки в государственных органах, а не по обычаю, и это меняет правила наследования. Женщины, получившие образование, занимают должности, которые раньше были доступны только мужчинам, и их экономическая независимость растёт. Но одновременно с этим растёт и давление со стороны консервативных религиозных кругов, которые проповедуют патриархальные нормы. Матрилинейность отступает, но не исчезает: она сохраняется в семьях, которые продолжают жить в пустыне, в обрядах, в языке, в памяти. И в звёздах, которые, как говорят старики, «помнят, как было раньше, и знают, как будет».

Глава 10. Шатёр как модель Вселенной: четыре опоры небесного свода

Туарегский шатёр — не просто жилище. Это космологическая схема, разложенная на земле и натянутая над головой. Европейцы, впервые увидевшие шатёр изнутри, отмечали его странную симметрию: четыре главных опоры, четыре стороны, четыре угла, которые соответствуют четырём направлениям ветра. Но симметрия эта не геометрическая, а смысловая. Каждая опора имеет имя, каждая сторона имеет назначение, и человек, входящий в шатёр, входит не в помещение, а в модель мира, где всё имеет своё место и своё значение.

Начнём с опор. Их четыре, и они называются по-разному в разных диалектах, но функция одна: держать небо. Передняя опора, обращённая к востоку, называется «тасарет» — «начало». Задняя, обращённая к западу, — «тамурт» — «завершение». Левая и правая опоры, соответственно, «аман» — «вода» и «такат» — «огонь». Эти имена не случайны. Восток в туарегской космологии — сторона восхода, начало пути, место, откуда приходит свет. Запад — сторона заката, завершение, место, куда уходят души. Вода и огонь — две стихии, которые уравновешивают друг друга: вода охлаждает, огонь согревает, и вместе они поддерживают жизнь. Шатёр, таким образом, воспроизводит не только пространство, но и время: восток и запад задают ось движения Солнца, а вода и огонь — ось движения жизни.

Внутри шатра пространство делится на две половины: мужскую и женскую. Мужская половина — правая, если стоять лицом к востоку. Здесь хранится оружие, здесь сидят гости, здесь обсуждаются дела войны и мира. Женская половина — левая. Здесь хранится утварь, здесь готовят пищу, здесь женщины принимают решения, касающиеся семьи и рода. Граница между половинами не обозначена физически, но она существует, и её нарушение воспринимается как нарушение космического порядка. Мужчина, вошедший в женскую половину без разрешения, рискует навлечь на себя гнев не только женщин, но и духов, которые, по преданию, наблюдают за соблюдением границ.

Центр шатра — место, где сходятся все линии. Здесь находится очаг, здесь стоит тренога, на которой висит чайник, здесь происходит то, что туареги называют «тамашек» — «встреча». Центр не принадлежит ни мужской, ни женской половине; он принадлежит всем и никому. Это точка равновесия, место, где противоположности встречаются и примиряются. В космологическом смысле центр шатра соответствует центру мира — точке, где земля соединяется с небом, где время останавливается, где человек может говорить с духами и быть услышанным.

Покрытие шатра — шкуры или ткань — играет роль небесного свода. Оно натянуто так, что провисает в центре, образуя купол. В ясную ночь, когда покрытие сдвинуто, чтобы впустить прохладный воздух, это купол исчезает, и над головой открывается настоящее небо. Но и в этом случае шатёр остаётся моделью: его опоры соответствуют четырём звёздам, которые туареги называют «столпами неба». Эти звёзды — не Полярная и не какие-либо другие из числа хорошо известных европейцам; это четыре светила, которые в определённое время года восходят одновременно и образуют крест. Когда этот крест появляется на небе, старики говорят: «Небо поставило свой шатёр». Это значит, что наступил сезон, когда можно отправляться в дальний путь.

Четыре стороны шатра соответствуют четырём ветрам. Северный ветер, «такат», приносит прохладу и считается благоприятным. Южный, «аман», приносит жару и пыль, и его приближение чувствуется за несколько дней. Восточный, «тасарет», приносит сухость и ясность; это ветер, который туареги называют «ветром, который видит». Западный, «тамурт», приносит влагу и иногда дождь; это ветер, который «помнит». Каждый ветер имеет свой характер, свою волю, и с каждым связаны свои обряды. Когда ветер меняется, люди меняют положение шатра:

вход обращается в ту сторону, откуда дует благоприятный ветер, а глухая стена — в сторону неблагоприятного.

Шатёр — не постоянное жилище. Его ставят и снимают, перевозят с места на место. Но в каждом новом месте он воспроизводит одну и ту же схему. Это важно: космологическая модель не привязана к конкретной точке пространства. Где бы ни остановился туарег, он восстанавливает порядок, который существует независимо от географических координат. Шатёр — это переносной космос, который можно взять с собой. В этом его отличие от храма или дворца: храм привязан к земле, дворец — к власти, а шатёр — к человеку, который его ставит.

Материалы, из которых сделан шатёр, также имеют космологическое значение. Покрытие ткётся из козьей шерсти, а коза — животное, которое в туарегской традиции связано с Луной. Шерсть собирается женщинами, прядётся вручную, окрашивается натуральными красителями. Процесс ткачества сопровождается песнями, которые передают из поколения в поколение и в которых упоминаются имена звёзд и истории о них. Таким образом, шатёр не просто сделан из материала; он сделан из песен и памяти. Каждая нить в нём — это связь с прошлым, с предками, с теми, кто ткал такие же покрытия сто и двести лет назад.

Шесты, на которых держится шатёр, вырезаются из дерева акации. Акация — священное дерево, которое упоминается в преданиях как одно из первых растений, созданных вместе с миром. Дерево это растёт медленно, и его древесина твёрдая, как камень. Шесты передаются по наследству, их не выбрасывают, даже если они сломались: сломанный шест используется для ритуальных целей или хранится как реликвия. В некоторых семьях шесты имеют имена, как люди, и с ними связаны истории о дальних переходах, о битвах, о рождениях и смертях.

Внутреннее убранство шатра также подчинено космологической схеме. Справа от входа, на мужской половине, висит меч или кинжал — символ защиты. Слева, на женской половине, стоят сосуды для воды и молока — символы жизни. В центре, у очага, лежит коврик для молитвы, если хозяева исповедуют ислам, или камень, который используется для ритуальных целей, если речь идёт о более древних обрядах. Над очагом подвешивается чайник, который никогда не пустует: гость, вошедший в шатёр, должен быть накормлен и напоен, даже если хозяева сами голодны. Это правило гостеприимства имеет космологическое обоснование: тот, кто делится пищей, поддерживает порядок, установленный при сотворении мира, когда первый человек получил от богов зерно и воду.

Шатёр как модель Вселенной — не уникальная особенность туарегов. Многие кочевые народы рассматривают своё жилище как образ космоса: юрта у монголов, чум у ненцев, палатка у бедуинов. Но у туарегов эта модель имеет особенность, которая отличает её от других: она не просто отражает космос, она его создаёт. Шатёр не символизирует порядок; он его устанавливает. Когда шатёр поставлен правильно, когда опоры ориентированы по сторонам света, когда вход обращён в нужную сторону, — тогда и в мире устанавливается порядок. Если шатёр поставлен неправильно, если опоры перепутаны, если вход обращён не туда, — порядок нарушается, и в жизнь людей входят беды: болезни, засуха, ссоры, смерть.

Современность изменила форму шатра, но не его значение. В городах тауареги живут в домах, но часто сохраняют шатёр во дворе или на крыше. Его ставят для гостей, для праздников, для обрядов. Молодые люди, выросшие в квартирах, не всегда знают, как правильно ориентировать опоры, но старики помнят. И когда шатёр ставится, они проверяют: восток должен быть впереди, запад — позади, вода — слева, огонь — справа. Это не суеверие. Это способ сохранить связь с космосом в мире, который всё больше от него отдаляется.

Глава 11. Восток и запад шатра: сакральное и профанное в повседневном движении

Движение Солнца по небу — первый календарь, который знает человек. Для туарега это не отвлечённое наблюдение, а основа повседневной жизни, встроенная в каждое действие. Шатёр ориентирован так, что вход обращён к востоку, а задняя стена — к западу. Это не случайность и не прихоть: восток — сторона начала, сторона, откуда приходит свет и жизнь, запад — сторона завершения, сторона, куда уходят тени. Человек, входящий в шатёр утром, входит вместе с Солнцем; человек, выходящий вечером, выходит вместе с закатом. Движение светила задаёт ритм, которому подчинены все остальные ритмы: приём пищи, молитва, работа, отдых, разговор, молчание.

Утро в туарегском шатре начинается не с часов, а с полосы света. Когда первый луч Солнца проникает через вход и касается очага, хозяйка шатра знает: пора вставать. Это не условность. В пустыне, где температура ночью может опускаться до нуля, а днём подниматься до пятидесяти градусов, первый луч — сигнал, что холод отступает и можно снять лишние одеяла. Мужчины, если они дома, выходят из шатра, чтобы совершить омовение и молитву. Женщины начинают готовить чай. Дети, если они достаточно малы, ещё спят; если подросли — помогают по хозяйству. Всё это происходит в определённом порядке, который не меняется веками, потому что он соответствует порядку небесному.

Восток в туарегской космологии — не просто направление. Это сторона, где находится вход в иной мир, где души предков собираются перед тем, как отправиться в путь. Некоторые предания говорят, что восток — это место, где Солнце отдыхает после дневного пути, где оно набирается сил перед новым восходом. Другие утверждают, что восток — это «рот неба», через который боги вдыхают дым жертвенных костров и слышат молитвы людей. Третьи связывают восток с водой: там, за горизонтом, находится море, из которого приходят дожди, и поэтому восточный ветер считается «ветром, который видит», потому что он приносит ясность и сухость.

Запад — сторона иная. Это место, куда уходит Солнце, где оно скрывается, где день умирает и начинается ночь. В туарегских преданиях запад связан с духами умерших, с тенями, с тем, что скрыто. Западный ветер, «тамурт», приносит влагу и иногда дождь, но он же приносит и болезни. Считается, что человек, который долго смотрит на запад после заката, может увидеть то, что не предназначено для глаз живых: тени предков, блуждающие огни, лица тех, кто ушёл. Поэтому детям говорят: «Не смотри на запад, когда Солнце уходит. Смотри на восток, где оно вернётся».

Эта оппозиция востока и запада пронизывает всю культуру. Благоприятные дела начинаются на востоке: новый шатёр ставится входом на восток, новый колодец копается с восточной стороны, новорождённый ребёнок получает имя, которое произносится с восточной стороны очага. Неблагоприятные дела, если их нельзя избежать, совершаются на западе: больного человека укладывают головой на запад, чтобы облегчить его страдания; умершего кладут лицом на запад, чтобы он «смотрел в сторону ухода». Даже в языке эти направления имеют дополнительные значения: «восточный» может означать «свежий», «новый», «чистый»; «западный» — «старый», «уставший», «тяжёлый».

Сакральное и профанное в шатре распределены не только по сторонам света, но и по времени суток. Утро — время ритуалов, связанных с началом: приветствие Солнца, благословение скота, омовение. Полдень — время, когда Солнце в зените, когда тени коротки, когда жара достигает пика. В это время не принято начинать новые дела: считается, что полдень — это «пауза» в движении светила, момент, когда мир замирает и духи наиболее активны. После-

полуденное время — время работы: женщины занимаются ткачеством, мужчины — ремонтом упряжи или подготовкой к переходу. Вечер — время возвращения: скот пригоняют к шатру, готовят ужин, рассказывают истории. Ночь — время тайн: звёзды выходят на небо, и те, кто знает их язык, могут прочитать в них то, что скрыто от глаз.

Эта временная структура имеет и пространственное выражение. В полдень, когда Солнце стоит над головой, тень шатра падает почти вертикально, и граница между востоком и западом стирается. Это момент, когда сакральное и профанное смешиваются, и именно поэтому полдень считается опасным временем. В полдень не принято выходить из шатра без необходимости, не принято громко говорить, не принято ссориться. Считается, что в этот момент духи пустыни выходят из своих укрытий и могут унести человека, который нарушил покой. Этот запрет сохраняется даже в городах, где туареги живут в домах: пожилые люди стараются не выходить на улицу в полдень, особенно в летние месяцы.

Движение Солнца определяет и направление молитвы. Мусульмане молятся лицом к Мекке, но в условиях пустыни, где точное направление определить трудно, туареги используют Солнце как ориентир. Утром, когда Солнце на востоке, молитва совершается в сторону, противоположную восходу, — на запад, если Мекка находится на западе. Вечером, когда Солнце на западе, молитва совершается на восток. Эта практика не противоречит исламу, но она показывает, как астрономические наблюдения вплетены в религиозную жизнь. Солнце не просто светит; оно указывает путь к святыне.

Восток и запад шатра связаны и с социальными ролями. Мужская половина, как уже говорилось, — правая, если стоять лицом к востоку. Это значит, что мужчина, сидящий в шатре, обращён лицом к востоку, а женщина — к западу. Такое расположение не случайно: мужчина смотрит в сторону начала, женщина — в сторону завершения. Это не означает, что женщина считается «низшей»; напротив, в туарегской культуре женщина ассоциируется с завершением, с мудростью, с памятью, а мужчина — с началом, с действием, с движением. Завершение не хуже начала; оно просто иное. Запад — сторона, где Солнце уходит, но именно там оно оставляет после себя прохладу, которая позволяет пережить ночь. Женщина, обращённая к западу, — это хранительница того, что остаётся после дневных трудов: пищи, тепла, памяти, детей.

Современность нарушила эту ориентацию. В городах шатры ставят как придётся, часто входом на улицу, а не на восток. Молодые люди не всегда знают, какая сторона шатра считается мужской, а какая женской. Но в пустыне, где традиция сохраняется сильнее, ориентация по-прежнему соблюдается. И когда старик видит, что шатёр поставлен неправильно, он не просто поправляет его; он объясняет, почему это важно. «Солнце встаёт на востоке, — говорит он. — Если ты сидишь лицом к западу, ты сидишь спиной к началу. Как ты найдёшь дорогу, если не видишь, откуда идёт свет?»

Глава 12. Север и юг: царство духов и сторона изобилия

Ось восток — запад задаёт шатру его ориентацию, но ось север — юг задаёт ему его природу. Если восток и запад — это время, движение Солнца, ритм дня, то север и юг — это качество, характер, темперамент пространства. Север в туарегской космологии — не просто сторона, откуда дует холодный ветер. Это сторона, где заканчивается обжитое, где кончаются тропы и начинается то, что не имеет имени. Юг — противоположность: сторона полей, колодцев, пальмовых рощ, сторона, где женщины рожают и где спят дети. Между этими двумя полюсами располагается мир человека, и вся его жизнь есть движение между ними: от опасности к безопасности, от одиночества к общине, от холода к теплу.

Французский антрополог Дениз Бильдо, изучавшая туарегов Ахаггара, зафиксировала это деление с этнографической точностью. Юг, по её записям, «всегда расположен со стороны полей» и называется «альбарака» — благословение, благодать. Женщина рожает на южной стороне шатра и спит там же, потому что юг связан с плодородием, с жизнью, с тем, что растёт и умножается. Север же связан с «эсуф» — пустотой, одиночеством, и именно с северной стороны приходят «кель-эссуф», «люди одиночества», те самые духи, которых боятся и которых задабривают амулетами. Это не просто географическое наблюдение. Это космологическая карта, на которой каждая сторона света имеет не только направление, но и вкус, запах, температуру, степень присутствия невидимых сил.

Кель-эссуф — не демоны в христианском смысле и не джинны в исламском. Это сущности иного порядка, которые населяют пустые пространства: заброшенные колодцы, пересохшие русла, скалы, где никогда не ступала нога человека, пещеры, куда не проникает солнечный свет. Они не всегда враждебны. Некоторые из них могут помочь путнику, если он знает правильные слова, но большинство опасны, потому что не признают границ человеческого мира. Встреча с кель-эссуф может закончиться болезнью, безумием, потерей памяти. Ребёнок, родившийся на юге, защищён благословением полей, но ребёнок, которого укачивают на северной стороне шатра, рискует привлечь внимание тех, кто не любит шума и суеты. Поэтому женщины, укладывая младенца спать, поворачивают его головой на юг, а ногами на север — так, чтобы он смотрел в сторону жизни, а не в сторону пустоты.

Север в туарегской астрономии связан с Полярной звездой, которую называют «Татрит та-н-Темесна» — «Звезда Севера» или «Колышек». Вокруг этого колышка вращается Малая Медведица, которую туареги видят как верблюжонка, привязанного к колу. Верблюжонок ходит по кругу, но не может уйти далеко от своего кола — так же, как человек не может уйти далеко от того места, где он родился, не потеряв связи с предками. Полярная звезда неподвижна, и это качество севера: он не меняется, он всегда там, где был, он ждёт. Юг, напротив, связан с созвездиями, которые восходят и заходят, которые движутся по небу, как стада по пастбищу. Южное небо — это небо движения, роста, перемен. Северное небо — небо покоя, памяти, того, что остаётся.

Эта полярность проявляется в языке. В тамашеке существуют слова, которые различают не просто направление, а качество движения. «Идти на север» — значит идти в сторону опасности, в сторону испытания, в сторону того, что требует мужества. «Идти на юг» — значит возвращаться, искать убежища, находить воду. Караван, который отправляется на север, провожают с тревогой; караван, который возвращается с юга, встречают с радостью. Север — это вызов. Юг — это награда. Но ни то, ни другое не является абсолютным благом или абсолютным злом. Север нужен, потому что он даёт соль, металл, новые пастбища. Юг нужен, потому что он даёт пищу, воду, продолжение рода. Мир держится на равновесии между ними, и нарушение

этого равновесия — будь то чрезмерное расширение на север или чрезмерное замыкание на юге — ведёт к катастрофе.

В социальной организации это равновесие выражается в разделении труда между полами и поколениями. Мужчины уходят на север — в набег, в караван, на войну. Женщины остаются на юге — в шатре, у очага, с детьми. Это не означает, что женщины не бывают на севере или что мужчины не возвращаются на юг. Это означает, что север и юг — не просто места, а роли, которые человек исполняет в разное время своей жизни. Мальчик, который родился на юге, вырастает и уходит на север, чтобы доказать, что он мужчина. Мужчина, который вернулся с севера, становится старейшиной и снова садится на южной стороне шатра, чтобы передать детям то, что узнал в пустыне. Женщина, которая оставалась на юге, становится хранительницей памяти и ритуала, без которой север потерял бы смысл.

Кель-эссуф, духи севера, не просто пугают. Они выполняют важную функцию: они охраняют границы обжитого мира. Там, где кончаются поля и начинается пустыня, там, где последний колодец остаётся позади и впереди только песок и камень, — там вступают в силу их законы. Человек, который идёт на север, должен соблюдать особые правила: не кричать, не оглядываться, не произносить определённые слова, не смотреть на определённые созвездия. Нарушение этих правил означает, что он вторгся в чужое пространство без приглашения. Кель-эссуф не злы по своей природе; они просто защищают то, что принадлежит им. Если человек ведёт себя правильно, они могут пропустить его. Если нет — он рискует не вернуться.

Юг, напротив, населён духами иного рода. Здесь живут духи полей, духи колодцев, духи пальмовых рощ — существа, которые помогают расти, размножаться, плодоносить. К ним обращаются с просьбами о дожде, об урожае, о здоровье детей. Эти духи не требуют такой осторожности, как кель-эссуф, но и они могут быть опасны, если их прогневать. Женщина, которая рожает, находится под их защитой; женщина, которая нарушает запрет, связанный с водой или огнём, может навлечь на себя их гнев. Юг — это не рай, а место, где жизнь требует такого же уважения, как и смерть на севере.

В астрономических наблюдениях эта полярность отражается в том, какие звёзды считаются благоприятными, а какие — нет. Звёзды, которые восходят на южной стороне неба, связаны с жизнью, ростом, изобилием. Звёзды северной стороны — с испытанием, стойкостью, памятью. Плеяды, которые в туарегской традиции считаются «слезами» или «маленькими глазами», восходят на востоке, но их положение относительно севера и юга меняется в течение года. Когда Плеяды поднимаются высоко на юге, это знак, что скоро пойдут дожди и можно будет сеять. Когда они держатся низко на севере, это знак засухи, и нужно готовиться к трудным временам. Так небо становится не просто картой, а календарём, в котором север и юг играют роли предупреждения и обещания.

Современность смешала эти координаты. Города, построенные на месте древних стоянок, ориентированы по сторонам света, но их улицы не имеют космологического значения. Молодые туареги, выросшие в квартирах, не всегда знают, какая сторона шатра считается северной. Но в пустыне, где традиция сохраняется, старики по-прежнему проверяют, куда обращён вход, и качают головой, если видят, что шатёр поставлен неправильно. «Ты сидишь лицом к северу, — говорят они. — Ты смотришь в сторону эсуф. Разве ты хочешь, чтобы они увидели тебя?» Это не суеверие. Это способ сохранить связь с миром, в котором каждая сторона света имеет значение, и в котором человек не является хозяином пространства, а всего лишь гостем, который должен вести себя правильно, чтобы его не выгнали.

Глава 13. Магия имзад: звук, который успокаивает космос

Инструмент, о котором пойдёт речь, невелик: половина высушенной тыквы-горлянки, обтянутая козьей кожей, с двумя отверстиями в форме розеток, деревянный мостик в виде буквы V и единственная струна из конского волоса, натёртого смолой. Женщина держит его на коленях, сидя на земле или на ковре, и водит по струне изогнутым смычком. Звук, который при этом возникает, трудно описать словами, привычными для европейского уха: он не громкий, не резкий, не виртуозный. Он скорее напоминает дыхание, чем мелодию, — долгое, ровное, чуть дребезжащее дыхание, в котором слышится нечто среднее между голосом и шорохом песка. Это и есть имзад, инструмент, который ЮНЕСКО в 2013 году включило в Список нематериального культурного наследия человечества, но который для туарегов никогда не нуждался ни в чьём признании, потому что он старше любых списков и любых организаций.

Название инструмента происходит от слова, означающего «волос», «шерсть», «конский волос» — того самого материала, из которого сделана струна. В разных диалектах он называется по-разному: имзад, амзад, анзад, анжад. Но суть одна: это единственный струнный смычковый инструмент, который в туарегском обществе традиционно принадлежит женщинам. Мужчины на нём не играют. Это не запрет в строгом смысле, не табу, за нарушение которого следует наказание; это обычай, который соблюдается настолько последовательно, что за многие столетия не зафиксировано ни одного случая, когда мужчина взял бы в руки имзад и играл на нём публично. Женщина играет, мужчина слушает. Женщина ведёт мелодию, мужчина подхватывает её стихами. Женщина держит инструмент, мужчина вкладывает в него смысл. Это разделение не иерархическое, а функциональное: каждый делает то, что ему предназначено, и вместе они создают то, что не может создать ни один по отдельности.

Функция имзада не сводится к развлечению. Европейские путешественники, впервые услышавшие его в шатрах Ахаггара, описывали его как «музыку для удовольствия», и это описание надолго закрепилось в литературе. Но сами туареги говорят иначе. Имзад играют не для того, чтобы приятно провести вечер. Его играют, чтобы восстановить равновесие, нарушенное болезнью, испугом, дурным сном, встречей с духами. ЮНЕСКО в описании инструмента прямо указывает на его терапевтическую функцию: музыка исполняется, чтобы отгонять злых духов и облегчать страдания больных. Это не метафора и не поэтическое преувеличение. В туарегской традиции звук имзада обладает силой, которая действует на те слои реальности, куда не проникают ни слова, ни лекарства.

Чтобы понять, как это работает, нужно вспомнить, что в туарегской космологии мир населён не только людьми, животными и растениями. В нём живут кель-эссуф — «люди одиночества», духи пустых пространств, о которых говорилось в предыдущей главе. Они не злы по своей природе, но они чужды человеку, и встреча с ними может закончиться болезнью, потерей памяти, помрачением рассудка. Болезнь в этой системе — не просто нарушение функций организма; это нарушение отношений между человеком и окружающим миром. Лечить болезнь значит восстановить эти отношения, вернуть человека на его место в космическом порядке. И имзад — один из инструментов, с помощью которых это делается.

Звук единственной струны, натёртой смолой, производит вибрацию, которая, по представлениям туарегов, проникает в тело больного и «выметает» из него чужеродное присутствие. Эта вибрация не агрессивна: она не изгоняет духов силой, а скорее уговаривает их уйти, убаюкивает их бдительность, создаёт вокруг человека защитное поле, в которое они не могут проникнуть. Женщина, играющая на имзаде, не просто исполняет мелодию; она выполняет

работу, сродни работе акушерки или костоправа. Её руки, её смычок, её дыхание — всё это инструменты, с помощью которых она воздействует на невидимое.

Есть ещё одна функция, о которой европейские источники упоминают реже, но которая в туарегской традиции считается не менее важной. Имзад играют во время родов. Не для развлечения роженицы и не для того, чтобы заглушить её крики, а для того, чтобы «открыть путь» ребёнку. Звук струны, по преданию, напоминает ребёнку о том мире, из которого он приходит, и помогает ему не задержаться на пороге. Женщины, присутствующие при родах, поют, а одна из них играет на имзаде, и этот звук смешивается с криками новорождённого, становясь первой музыкой, которую он слышит в своей земной жизни. Если ребёнок рождается мёртвым или умирает вскоре после рождения, считается, что имзад не смог «дозваться» его, и это воспринимается как знак того, что духи были против его прихода.

Имзад связан и с поэзией. В туарегской традиции музыка и стихи неразделимы: инструментальная мелодия служит основой, на которую мужчины накладывают стихотворные строки, прославляющие подвиги предков, красоту возлюбленных, щедрость вождей. Эти стихи не поются в европейском смысле; они скорее декламируются нараспев, с удлинением гласных и особым ритмом, который переплетается с ритмом смычка. Женщина, играющая на имзаде, не просто аккомпанирует; она задаёт тон, настроение, эмоциональную рамку, в которой слова обретают силу. Одна и та же мелодия может звучать по-разному в зависимости от того, какие стихи на неё накладываются: хвалебная песнь требует одного темпа, любовная — другого, плач по умершему — третьего. Имзад не диктует содержание, но он создаёт пространство, в котором содержание становится возможным.

Существует поверье, что звук имзада отражает внутреннее состояние исполнительницы. Если женщина спокойна, уверена в себе, сосредоточена на игре, струна звучит ровно и чисто. Если она раздражена, испугана, отвлечена, звук меняется: появляются хрипы, провалы, дребезжание. ЮНЕСКО фиксирует это как этнографический факт: «звук имзада передаёт чувства и настроение исполнительницы, и любая неудача во время исполнения считается несчастьем». «Несчастье» здесь не означает просто неудачное выступление. Это знак того, что между исполнительницей и невидимым миром возникло напряжение, что духи недовольны или что сама женщина находится не в ладу с собой. В таких случаях игру прекращают, делают паузу, произносят успокаивающие формулы, и только потом возобновляют.

Обучение игре на имзаде начинается в раннем подростковом возрасте, когда девочка впервые надевает головной платок — знак перехода из детства в юность. Первая мелодия, которую она разучивает, называется «меллолоки»; это не песня и не танец, а упражнение, позволяющее освоить движения смычка, почувствовать натяжение струны, научиться извлекать ровный звук без скрипов и рывков. Классические мелодии заучиваются сначала вокально, в одиночестве, а затем переносятся на инструмент; при этом девочка напевает их шёпотом, «поёт в душе», как говорят туареги. Только после того как мелодия освоена внутренне, она может быть исполнена публично. Это отличает имзад от, например, барабана тенде, на котором дети учатся играть с раннего возраста, подражая взрослым, и который не требует такой внутренней подготовки.

Передача знаний происходит устно, от матери к дочери, от старшей женщины к младшей. Никаких нот, никаких записей, никаких учебников. Девочка наблюдает за игрой опытных исполнительниц, запоминает движения рук, положение инструмента, дыхание, паузы. Затем взрослые вкладывают её пальцы в нужное положение, поправляют смычок, показывают, как менять натяжение струны. Этот способ обучения — не просто техническая необходимость; он создаёт связь между поколениями, которая важнее любой техники. Женщина, играющая на имзаде, играет не только свою музыку; она играет музыку своей матери, своей бабушки, всех женщин, которые передавали этот инструмент из рук в руки на протяжении столетий.

В прошлом имзад был распространён шире, чем сейчас. Шарль де Фуко, живший среди туарегов в конце XIX — начале XX века, отмечал, что примерно половина благородных женщин умела играть на этом инструменте, и что игра на нём считалась признаком хорошего воспитания и утончённости. Имзад звучал на свадьбах, на праздниках, на собраниях, где мужчины состязались в поэтическом мастерстве. Он был неотъемлемой частью придворной культуры ахаггарских вождей, символом того, что жизнь не сводится к выживанию, что в ней есть место красоте, памяти и любви. В некоторых районах, например в Гураре, существовали свои разновидности инструмента, отличавшиеся конструкцией и звучанием, но общий принцип оставался тем же: одинокая струна, женские руки, смычок, дыхание.

XX век стал для имзада временем испытаний. Колониальные войны, засухи, голод, насильственное переселение, разрыв традиционных связей — всё это привело к тому, что инструмент оказался на грани исчезновения. Молодые женщины, выросшие в городах, всё реже учились играть; старые исполнительницы умирали, не передав своего мастерства. К началу XXI века, по оценкам ЮНЕСКО, в живых оставалось лишь несколько десятков женщин, способных играть на имзаде на традиционном уровне. В некоторых контекстах игра на нём даже была запрещена — не формально, а через давление консервативных религиозных кругов, считавших музыку несовместимой с благочестием. Одна из информанток, опрошенных этнографами, рассказала, что в старости оставила инструмент и посвятила себя молитве, противопоставив «светскую музыку» религиозному долгу и «юность» — «старости».

Однако исчезновение не состоялось. В 2013 году, когда ЮНЕСКО включило имзад в Список нематериального культурного наследия, началась работа по его сохранению. Были созданы школы, где старые исполнительницы обучают молодых женщин; были записаны десятки мелодий, которые раньше существовали только в памяти; были организованы фестивали, на которых имзад звучит снова, как звучал сто лет назад. Эта работа продолжается, но она сталкивается с трудностями, которые невозможно решить никакими программами. Главная из них — разрыв между поколениями: молодые женщины, которые могли бы стать хранительницами традиции, часто не видят в этом смысла, потому что их жизнь связана с городом, работой, учёбой, а не с шатром и кочевьем. Имзад требует времени, тишины, сосредоточенности — всего того, чего так мало в современной жизни.

И всё же что-то сохраняется. В Ахаггаре, в Аире, в отдельных семьях на юге Алжира и в Нигере ещё можно услышать звук единственной струны. Женщина сидит на ковре, держит на коленях половину тыквы, обтянутую кожей, и водит смычком. Вокруг неё собираются люди — мужчины, женщины, дети. Кто-то начинает декламировать стихи, кто-то подхватывает, кто-то просто слушает. Звук не громкий, но он заполняет пространство, как вода заполняет трещины в камне. Он проникает в тело, в память, в сон. И в этом звуке слышится не только мелодия, но и что-то более древнее: голос женщины, которая разговаривает с невидимым миром на языке, который не нуждается в переводе.

Глава 14. Инеден: кузнецы, огонь и тайные силы подземного мира

В туарегском лагере кузнеца узнают не по одежде и не по осанке, а по запаху. Запах угля, раскалённого металла и древесного дыма держится вокруг его мастерской, сколько бы времени ни прошло с момента последней работы. Мастерская — это не всегда помещение: чаще всего навес из циновок или просто тень скалы, под которой сложен горн из камней, обмазанных глиной, лежат молот, наковальня, клещи и несколько напильников, назначение которых постороннему непонятно. Здесь, в этом продымлённом пространстве, происходит то, что туареги называют работой огня, — превращение куска камня в нож, браслет, наконечник копья или амулет. И здесь же, если верить преданиям, стирается граница между видимым и невидимым, между человеческим и тем, что человеческому неподвластно.

Слово «инеден» — множественное число; единственное — «энед» или «энад» в зависимости от диалекта. Женская форма — «тенадет». Этим словом обозначают не только кузнецов в узком смысле, но и всех, кто работает с материей, преобразуя её: ювелиров, кожевенников, резчиков по дереву. В западной Сахаре, где традиция изучена подробнее, инеден делят между собой три материала: мужчины обрабатывают металл и дерево, женщины — кожу. Но при всей широте значений главным остаётся металл, и главным инструментом — огонь. Именно огонь делает инеден тем, чем они являются в туарегском воображении: одновременно презренными и могущественными, необходимыми и опасными, своими и чужими.

Численность инеден невелика: по оценкам, приведённым в литературе, они составляют от трёх до четырёх процентов населения. В Ахаггаре их особенно мало, и они образуют касту, стоящую внизу пирамиды свободных, но выше рабов. Их презирают, потому что они работают руками, — в обществе, где благородный воин считает физический труд унизительным, ремесло само по себе является клеймом. Но их же и боятся, потому что они владеют огнём и, как следствие, тайными силами, которые этот огонь пробуждает. Эта двойственность — не случайность и не недоразумение. Она встроена в систему и воспроизводится с той же последовательностью, с какой кузнец ударяет молотом по наковальне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.